

Заседание первое.

Председатель – Ю.П. Дусь

Секретарь – Г.Д. Боуш

Проблематизация: Механизмы рекрутирования элиты и социальная структура (подходы к описанию типов власти, вертикальные и горизонтальные коммуникации «статическая» и «динамическая» социальные структуры, «власть» и «капитал», взаимодействие смыслов экономики и истории).

П.А. Ореховский

КОНФЛИКТЫ ПОКОЛЕНИЙ И СМЕНА СТЕРЕОТИПОВ ПОВЕДЕНИЯ ГОСПОДСТВУЮЩЕЙ ЭЛИТЫ РОССИИ

Данный доклад посвящен результатам работы по анализу эволюции ценностей российской элиты. Эта работа задумывалась как большой проект, предполагавший:

1) Описание конкретных случаев и анализ причин экономически иррационального поведения советской и постсоветской элиты. Наличие такой иррациональности уже во второй половине шестидесятых становится наглядным и ясным для многих – примером тому служит строительство новых заводов, которое снижало фондоотдачу и приводило к дефициту рабочей силы, отставание развития социальной инфраструктуры, включая острый дефицит жилья, увеличение разрывов между фундаментальной наукой, НИОКР и внедрением полученных результатов в производство – обо всём этом много писали и говорили и экономисты, и публицисты, и тогдашние партийные деятели (не партийных, собственно, и не было...). Стоит также напомнить о многочисленных реализованных проектах по преобразованию природы – осушению болот Подмосковья, каналах, плотинах... Тем не менее изменить ситуацию оказалось невозможным. Вопрос – не является ли такой стиль поведения характерным и для современной российской элиты – остаётся открытым.

2) Описание механизма взаимодействия «идеологии», «политики» и «экономики». Сейчас уже трудно представить, что марксистские положения как-то транслировались в выбор ценностей и правил и эти правила предопределяли выбор тех или иных, часто иррациональных, решений. Однако так ли сильно механизм выработки решений в «путинской» элите отличается от такого же механизма в элите «ельцин-

ской» и насколько они близки/далеки от работы аппарата ЦК КПСС и тогдашних министерств и ведомств?

3) Описание ценностей отдельных социальных групп, формировавших элиту (контрэлиту). Под ценностями здесь понимаются не только этические, но и – в очень большой мере – эстетические пристрастия. Именно культурные стереотипы, на мой взгляд, предопределяли механизмы партийно-советской коммуникации, кристаллизацию «бесклассовой» социальной структуры по способам распознавания «свой-чужой». А впоследствии эти же стереотипы влияли и на принятие решений, как в области политики, так и в экономической сфере.

Полный отчет по работе представлен на сайте Лаборатории экономического анализа МАСЗ (<http://lab.obninsk.ru>).

1. Понятия «власти», «политики» и «элиты».

Смена элит и поколенческая динамика

Договоримся о понятиях. Вслед за М. Вебером¹ под *властью* в данной работе понимаются отношения господства-подчинения между людьми. *Типов власти* может быть много, в частности, в качестве таковых можно рассматривать классическое деление Аристотеля-Платона на монархию и тиранию, аристократию и олигархию, демократию и охлократию. Соответственно, под *политикой* понимается деятельность по перераспределению власти в рассматриваемом социуме.

Вышеперечисленные типы власти можно рассматривать также как механизмы селекции «элит» и коммуникации между «элитами» и «народом». Под элитой здесь понимается не нормативная, идеальная модель целого в «массовизирующемся социуме», определяющая цели общества, приоритеты развития, общие задачи², но – господствующий, управляющий «класс». Конституирующим признаком этой группы является наличие следующих «функциональных проявлений» власти:

- экономическая (имущественный статус – богатство, доход);
- политическая (иерархический статус, возможности влияния);

---

¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. М., 1990.

² См. Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в современной России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 29

– культурная (символический статус, трансляция образцов для подражания).

Принципиальным формальным признаком различия в механизмах селекции элит является как количество субъектов, участвующих в процессе выбора, так и количество групп, являющихся соответственно объектами, «местами» отбора. При монархии – тирании господство сконцентрировано в рамках царствующей семьи, и общепринятым, легитимным механизмом является наследование, причём выбор наследника среди своих родственников осуществляет один субъект – сам монарх. В качестве «контрэлиты» здесь могут выступать только члены царственного рода, заговоры призваны изменить порядок наследования, но не отменить его.

В рамках аристократии – олигархии выбор осуществляет уже несколько семей (родов), причём механизм отбора включает в себя как элементы наследования, так и элементы «вотирования» (будь-то простое голосование большинством или же республиканский выбор «по жребию»). «Правление лучших» в качестве существенного признака включает «кодекс чести», понимаемый как следование определённым, весьма сложным, правилам. Следование «кодексу чести» зачастую оказывается важнее, чем наличие экономического капитала (хотя само противоречие между «честью» и «деньгами» здесь оказывается одной из центральных проблем определения лояльности – аристократ выбирает честь, олигарх – деньги).

Наконец, в условиях демократии выбор осуществляется путём «прямого волеизъявления» народа. Кроме того, по крайней мере формально, в качестве «объектов», мест выбора, из которых рекрутируется элита, могут выступать любые социальные группы (профессиональные – военные, врачи, предприниматели, учителя; возрастные – люди среднего возраста, пожилые, молодёжь; этнические; региональные). Это обстоятельство делает демократический тип власти наиболее сложным для понимания – описать признаки, по которым в нём строятся отношения господства-подчинения, используя прежние (явные) отличия, кажется невозможным. Другими словами, демократия формально основана на равенстве людей и, соответственно, положения социальных групп, в то время как само понятие элиты предполагает неравенство. В условиях демократического устройства власти легального, официального неравенства не должно быть, во всяком

случае, оно не может быть признано справедливым, легитимизировано.

Отсутствие внешнего неравенства в демократическом устройстве власти часто приводит к тому, что оно представляется неким идеалом, «концом истории». По мнению М. Кантора, возникает неверная оппозиция «демократия – тоталитаризм»³. Так, в рамках приведённой классификации демократия может противопоставляться монархии и аристократии, но не тоталитаризму; механизм распределения и воспроизводства власти может быть либеральным, тоталитарным или авторитарным, но от этого он не перестаёт быть демократическим. Отсюда возникает родство понятий «элита» и «номенклатура» для разных типов демократического устройства – большая часть и той и другой появляется на свет не в результате прямых выборов, но в результате некоего «рекрутирования».

Действительно, как показывает авторитетный американский политолог Ф. Закария, демократическое устройство может быть и нелиберальным⁴. Для того, чтобы перейти к либеральной демократии, общество должно пройти через стадию *конституционного либерализма* и быть *достаточно богатым*, в противном случае демократия становится весьма неустойчивой. Более того, и в случае богатых и свободных стран дальнейший процесс «демократизации демократии», переход к референдумам и другим формам прямого народного правления также может подрывать основы либерализма.

Используя понятия социальной мобильности, можно сказать, что элиты (номенклатура) формируются путём прохождения через некие социальные «фильтры». Вслед за П. Сорокиным можно выделить в качестве таковых образование (и получение учёных степеней), военную службу, участие в выборных органах и службу в исполнительной власти, создание (или получение по наследству) индивидуального богатства.

---

³ Кантор М. Медленные челюсти демократии. М.: Астрель, 2008.

⁴ Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. «Обсуждать подобные проблемы – не значит утверждать, что демократия дурна сама по себе... [но] Говорить на эту тему – значит немедленно вызвать в свой адрес критику: вы не в ладах со временем. Опасение заработать клеймо противника демократии принуждает нас замалчивать проблемы, сопутствующие всё большей демократизации жизни. Все исходят из установки, будто демократия в принципе не может вызывать проблем...» – С. 5.

Указанные фильтры могут работать хуже или лучше – во многом в зависимости от этого население признаёт или не признаёт легитимность элиты. Наличие консенсуса в обществе в отношении справедливости механизма отбора обеспечивает воспроизводство как самих каналов, так и образцов элитарного поведения. В этом случае ценности социальных групп, входящих в элиту, меняются медленно или не меняются вовсе.

Однако если консенсуса нет, то в обществе может постепенно сложиться «контрэлита» – группы, которые население также наделяет высоким социальным статусом, но которые не имеют явной – экономической и политической – власти. В этом случае отношения господства – подчинения возникают на основе символического капитала, капитала науки и культуры. Как показал П. Бурдьё, классификация представляет собой форму доминирования познающего субъекта над объектом. В этом отношении занятия наукой, писательство или создание картин – это занятия классификациями. Но такие занятия нарушают прежние, уже сложившиеся и институционализированные отношения господства – подчинения, поскольку в них уже заложено понимание «лучшего» (господства, важности) и «худшего» (подчинения, ученичества, второстепенности). Поэтому группы, обладающие символическим капиталом, – учёные, деятели искусства и литературы, журналисты – оказываются в естественной оппозиции к формальной власти: ведь их право на классификацию подвергает сомнению легитимность и признанность действующих институтов. Более того, по мнению П. Бурдьё, они создают новую социальную реальность, осуществляя это своё право⁵.

В последнем случае возникает власть «морального авторитета», которая со временем может дополниться как политической, так и экономической властью. Тогда произойдёт замена элиты контрэлитой. Используя понятия, предложенные В. Парето, можно говорить о кругообороте элит.

---

⁵ <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/gtmarket/2006/883>

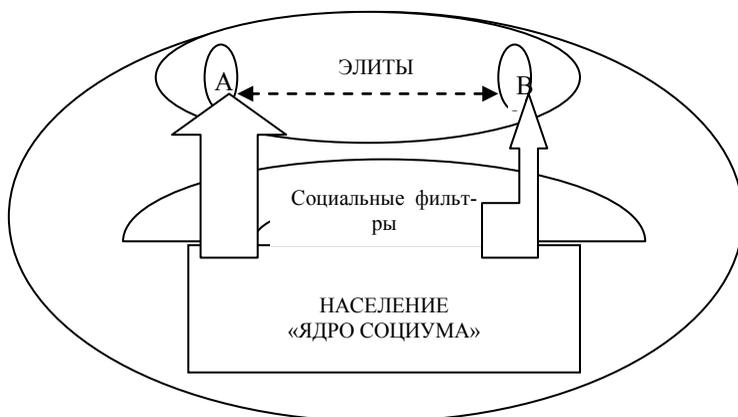

Рис. 1.1. Кругооборот элит

Эта немного усложнённая схема Парето включает в себя социальные фильтры, в отношении которых в обществе нет консенсуса. В связи с этим часть населения идёт по иерархической лестнице «естественным путём», формируя элиту А, другая же часть движется, по крайней мере частично обходя социальные фильтры, и формирует контрэлиту В. Кроме того, контрэлиту В пополняют люди, «выпавшие» из элиты А. Процесс укрепления элиты В сопровождается постепенным ослаблением элиты А, в конечном счёте последняя теряет свою легитимность в глазах народа. Происходит её замена на контрэлиту В. Часть членов элиты А полностью теряют свой статус: как правило, символический капитал к этому времени по большей части растрочен, возможности политического влияния значительно снижены. И хотя остаётся ещё определённая экономическая власть, этого оказывается недостаточно. Другая же часть элиты А переходит в состояние контрэлиты.

В связи с процессом кругооборота элит возникает сложный вопрос о наследовании традиций элитами. Другими словами, можно ли представить данный процесс кругооборота как ряды:

$A, A', A'', \dots, A^n;$

$B, B', B'', \dots, B^n?$

Или в процессе кругооборота «первичные признаки» элиты и контрэлиты полностью теряются и никакого наследования не происходит? Другими словами, эти ряды представляются как:

$A, C, E, \dots;$

$B, D, F, \dots?$

Существует большой соблазн описывать российские поколения как поколения «революционеров и реакционеров», славянофилов и западников, либералов и консерваторов... Возможно, какая-то «переключка» времён в этом есть. Но, чтобы выявить такие «наследуемые признаки», по-видимому, необходимо иметь более тонкие инструменты, нежели те, которыми я располагаю. Во всяком случае, в имеющемся у меня материале выявить такие признаки не удалось.

Смена поколений в элите и контрэлите представляет развёрнутую во времени схему, изображённую на рис. 1.1. Можно попытаться представить этот процесс с помощью следующих графиков (рис. 1.2).

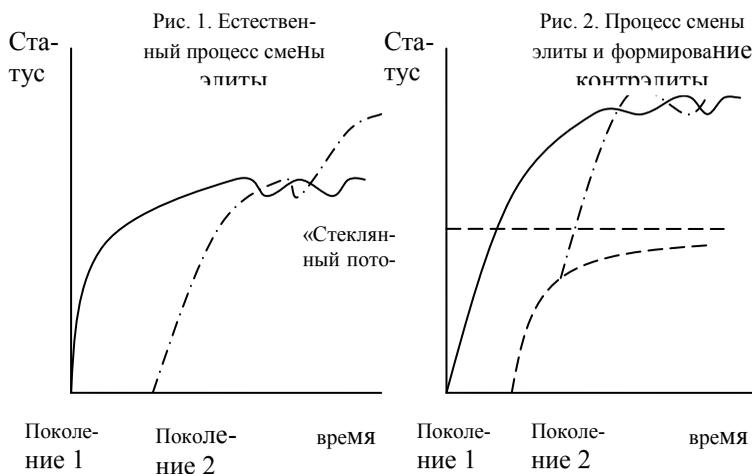

Рис. 1.2. Процесс смены элиты

Естественный процесс смены элиты, изображённый на рис. 1.2, не отменяет межличностных конфликтов (участок наслоения траекторий двух поколений), тем не менее «правила поведения» и ценности в данном случае сохраняются. Старое поколение может одерживать временные победы над молодыми, но в конечном счёте уступает им свой статус, более того, приобретая богатство и символический капитал, следующее поколение в конечном счёте оказывается более сильным, имеющим бóльшие возможности.

В условиях «рассогласования фильтров» возникает ситуация «стеклянного потолка»⁶. Одних «кандидатов в элиту», лояльных по

⁶ Термин отчасти заимствован из трудов Ф. Броделя и Э. де Сото (см., например Сото Э., де. Загадка капитала. – М., 2004), которые вводят понятие «стеклянный колпак». Последний отгораживает элиту, пользующуюся благами судебной системы и правовой защиты собственности, от общества, где продолжают действовать механизмы внезаконного регулирования.

отношению к ценностям предыдущего поколения, фильтры пропускают, других – отбраковывают. При этом у «отбракованных» вначале нет чувства отчуждения по отношению к официальным ценностям, они ещё продолжают пытаться повысить свой статус в общепринятой системе координат. Зачастую такие люди имеют достаточно высокий статус «экспертов-критиков», обладая существенной политической и экономической властью. Однако со временем траектории поколения 2 всё более расходятся: часть, вошедшая в элиту, занимает всё более высокое статусное положение. Напротив, среди их сверстников, не вошедших в элиту, формируются альтернативные ценности, часть из них маргинализируется. Практически во всех сферах науки и культуры появляется и развивается – хотя и в совершенно разных формах – андеграунд.

Стоит специально оговориться, что *стеклянный потолок* – это не социальный фильтр. Последние представляют собой своеобразные социальные «лифты», каналы рекрутирования элиты; признаки, которыми подчёркивается *легитимный* статус. Стекло́нный потолок, напротив, является «перегородкой», «плотиной» *внутри указанных фильтров*, основанной не на общественном признании, но на индивидуальной лояльности «начальству» и в принципе не может быть легитимизирован. Более того, в отличие от социальных фильтров, он даже не является предметом общественной коммуникации – *формально* его не существует.

Наконец, стеклянный потолок неразрывно связан с нелиберальными формами демократии. Условие лояльности не «системе вообще», а её лидеру – пусть даже демократически избранному – означает зависимость прав и свободы личности от данного лидера вне зависимости от персональных качеств последнего.

По-видимому – чисто теоретически – если бы в это время в официальной элите (элите А, поколении 1, части поколения 2) нашлись люди, сумевшие «разбить стеклянный потолок», осуществить реформы армии, образования, изменить организационные и правовые принципы межпартийной борьбы, осуществить другие меры, направленные на нормализацию работы фильтров, то последующего витка смены элиты контрэлитой, экономических потерь и социальных потрясений могло бы и не быть. Однако сохранение (а часто и создание) подобных «стеклянных потолков» представляется полезным и нормальным с точки зрения наиболее жёсткой и ортодоксальной части

официальной элиты. Эти люди, со временем вызывающие всё большее количество насмешек и злобы со стороны представителей контрэлиты, как правило, выступают хранителями «ценностей и образцов поведения» официоза. В связи с этим периодическое воспроизводство острых поколенческих конфликтов, в которые выливается противостояние элиты и контрэлиты, представляется неизбежным.

2. Понятие поколения. Система координат ценностей поколений. Основные стратегии поведения

Под поколением обычно понимают группу людей, близких по возрасту и занимающихся общей деятельностью. Часто такое определение ставит во главу угла именно возраст и приводит к тому, что поколение как социологическое понятие путается с демографическим, «возрастной когортой». К. Мангейм решает эту проблему с помощью введения понятия «духа поколения». Последний возникает как результат формирования (или переоценки) ценностей у людей, которые в *молодости* прошли через одни и те же исторические события. При для них возникает «центральная проблема» – своеобразный смысл жизни – проблема, которую они решают всю жизнь, и в зрелом, и в пожилом возрасте⁷.

На базе такой «центральной проблемы» складываются «поколенческие единства» – но ответы на поставленный вопрос они зачастую дают принципиально разные и часто борются между собой. К. Мангейм показывает, что одни и те же события Первой мировой войны и последующей разрухи в Германии привели, с одной стороны, к возникновению коммунистического, «красного», а с другой стороны – национал-социалистического движений.

Ситуация «поколенческих единств» и вопрос, на основе чего они складываются, другими словами, вопрос об идентификационных признаках, по большей части выпадает из поля зрения исследователей. Господствует механистическая логика – была война, значит, «военное поколение». Оттепель – «шестидесятники». Застой – поколение «застоя». Например:

«Чем интенсивнее жизнь, чем более она насыщена переменами, тем короче временной интервал, определяющий поколение. Например, те, чье взросление пришлось на конец 1980-х (период перестрой-

---

⁷ Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2(30).

ки), вряд ли ощущают «избирательное сродство» с теми, кто вырос уже в 1990-е. Поэтому в дальнейшем анализе состава элит будет использовано более дробное деление:

— родившиеся в 1980-е годы (1980–1989): «существенными событиями» для них стали выход экономики России из затяжного кризиса и становление «суверенной демократии»;

— родившиеся в 1970-е годы (1970–1979): ключевыми для их мировосприятия стали кризис и реформы 1990-х годов;

— родившиеся в 1960-е годы (1960–1969): перестройка, «кооперативное движение» и распад СССР стали главными событиями, определившими характер социализации представителей этого поколения;

— родившиеся в 1940-е годы (1940–1949) и 1950-е годы (1950–1959): поколения «застоя»⁸.

Конечно, перечисленные события как-то переживались молодыми людьми. Однако появлялись ли в результате этих переживаний некие социальные группы, которые отличались бы примерно одинаковыми реакциями? Другими словами, способны ли эти поколения на некие единые социальные действия? Очевидно нет. Но если это так, то их нельзя характеризовать как *социальные группы*. Это именно *возрастные когорты*, которые переживают обычные этапы жизни – получение образования и социализацию, создание семьи и прохождение этапов карьеры, повторяя тот же самый круг жизни, который был пройден и до них, хотя и в разных условиях. Однако вряд ли можно считать, например, организацию кооперативов центральной проблемой, которая снова и снова переживается поколением всю жизнь.

Но как тогда идентифицировать поколения?

«Дух поколения» – это его ценности. В свою очередь, ценности можно характеризовать как в этической, так и в эстетической системе координат; вслед за Ф. Ницше можно сказать, что «вся жизнь – это спор о вкусах». Принятые ценности формируют *стратегию поведения поколения*. Последняя представляет собой способ действий, обеспечивающий единство данной группы в социуме.

Важно также зафиксировать, что в «ядре социума» (см. рис. 1.1.) доминируют ценности «порядка», эстетика «уютa». Энергетика «яд-

---

⁸ Олейник А. Смена поколений в элите и стабильность социально-экономической системы. // Отечественные записки. 2008. № 4 (43).

ра» сравнительно низка, и требуются достаточно большие усилия со стороны людей, обладающих экономическим, политическим и символическим капиталом, чтобы население поддержало смену элиты на контрэлиту.

В свою очередь, логично предположить, что по отношению к этой точке отсчёта (ядру социума), своеобразного энергетического «нуля», расположены две разные этические и две разные эстетические системы. Можно выделить, отчасти повторяя принципы, предложенные Л.Н. Гумилёвым, следующие позитивные и негативные системы этических взглядов:

1. Позитивное мессианское сознание: «прогрессоры». В эту категорию попадают реформаторы и модернизаторы, строители и бюрократы. Существенной чертой таких людей является вера в то, что следующее поколение, дети, должны быть лучше, умнее, богаче своих родителей. Это – своеобразное выражение «этики прогресса».

2. Негативное мессианское сознание: «упростители». Сюда попадают, с одной стороны, любители «естественного» – экологи и «дауншифтеры», а с другой – разрушители и «нигилисты». Важной чертой для них является вера в несправедливое, неестественное сегодняшнее устройство общества (что не мешает части из них делать успешную карьеру, однако они никогда не становятся «своими» для «прогрессоров»). Это – своеобразное выражение «этики отвращения».

Деление на «прогрессоров» и «упростителей» является грубым и мало инструментальным, если дополнительно не ввести сюда эстетические предпочтения⁹. Можно выделить:

а) Эстетику свершений, своеобразную «эстетику героического». В данном случае преобладающим отношением субъекта является «включённость в процесс» – он может быть героем-одиночкой, противостоящим несправедливости мира, погибающим, но утверждающим свои ценности. Однако он может быть и победителем в составе дружеской команды, отстаивающим (и улучшающим) традиционные ценности «системы», делающим мир удобнее. В любом из этих вариантов он живёт и активно взаимодействует с окружением. Его *основное* время (притом, что он, естественно, *интерактивен*) – это настоящее.

---

⁹ Классификация эстетических предпочтений была предложена автору обнинским политологом А.М. Борисовым, за что выражаю ему свою искреннюю признательность.

б) Эстетику упадка. Субъект здесь находится «вне процесса», он «лишний в настоящем». Отсюда есть два выхода: первый – в своеобразное декадентство, эстетизацию руин и «девственной природы», возврат в прошлое. Второй вариант – это строительство, вечная надежда на будущее. В настоящем времени такой субъект «разрушитель» – окружающее его не устраивает, он испытывает вечную метафизическую ностальгию.

Такое разделение позволяет построить «карту стратегий», приведённую на следующей странице.

Этика и эстетика – составные части культуры. Различение по линии «свой – чужой» требует культурных маркеров. Писатели и поэты, музыканты и художники предоставляют элите образы и язык для «осознания себя». Если человек говорит о каком-то художественном произведении «это про меня, это – моё», и, напротив: «это там у них, в моей жизни так не бывает», это и есть указанный маркер. В связи с этим вне зависимости от того, каких стратегий придерживались (и придерживаются) различные «мастера культуры», в данной схеме предложена классификация «духа» их произведений. Последний, несомненно, влиял и на выработку позиции соответствующих поколений.

Предложенная классификация, конечно, условна, а отбор имён проведён достаточно случайно, *как пример, не более*. Кроме того, деятели культуры, решая центральную проблему своего поколения, могли и менять стратегию поведения. Эволюция каждого поколения достаточно сложна. Кстати сказать, именно это обстоятельство может сделать его культурные ценности плохо опознаваемыми или совсем не понимаемыми последующими поколениями. Вместе с поколением обычно уходят и «его» писатели, поэты и художники, а те, что остаются в культурной жизни других поколений, во многом «перетолковываются», в их произведениях на первый план выходят те детали и обстоятельства, которые сами авторы, возможно, считали второстепенными. И напротив, то, что было наиболее важным, уходит на второй план. Собственно, это проблема и всей человеческой истории – каждый период здесь состоит как раз из таких «закрытых отрезков», и часто реальную оценку того или иного события современниками бывает очень трудно восстановить.

Переходя к характеристике стратегий, стоит особо оговориться, что ни одна из них напрямую не является «антигуманной» или «раз-

рушающей нравственность». Все они так или иначе апеллируют к любви, семье, детям, дружбе, верности идеалам и т.д. Обвинения в «аморальности» и «бесчеловечности» возникают тогда, когда люди, придерживающиеся одной стратегии, судят, исходя из *своих* ценностей, других людей, придерживающихся другой стратегии и *других* ценностей. Каждая из стратегий претендует на элитарность, то есть по-своему предлагает придерживающимся её приобретение политического, экономического и символического капитала.

Чтобы описывать стратегии, следует определить их сравнительные характеристики, значимые для способов приобретения указанных типов капитала. Отчасти я уже стал это делать, говоря об ориентированности стратегий во времени. Однако этого мало, следует выделить ещё:

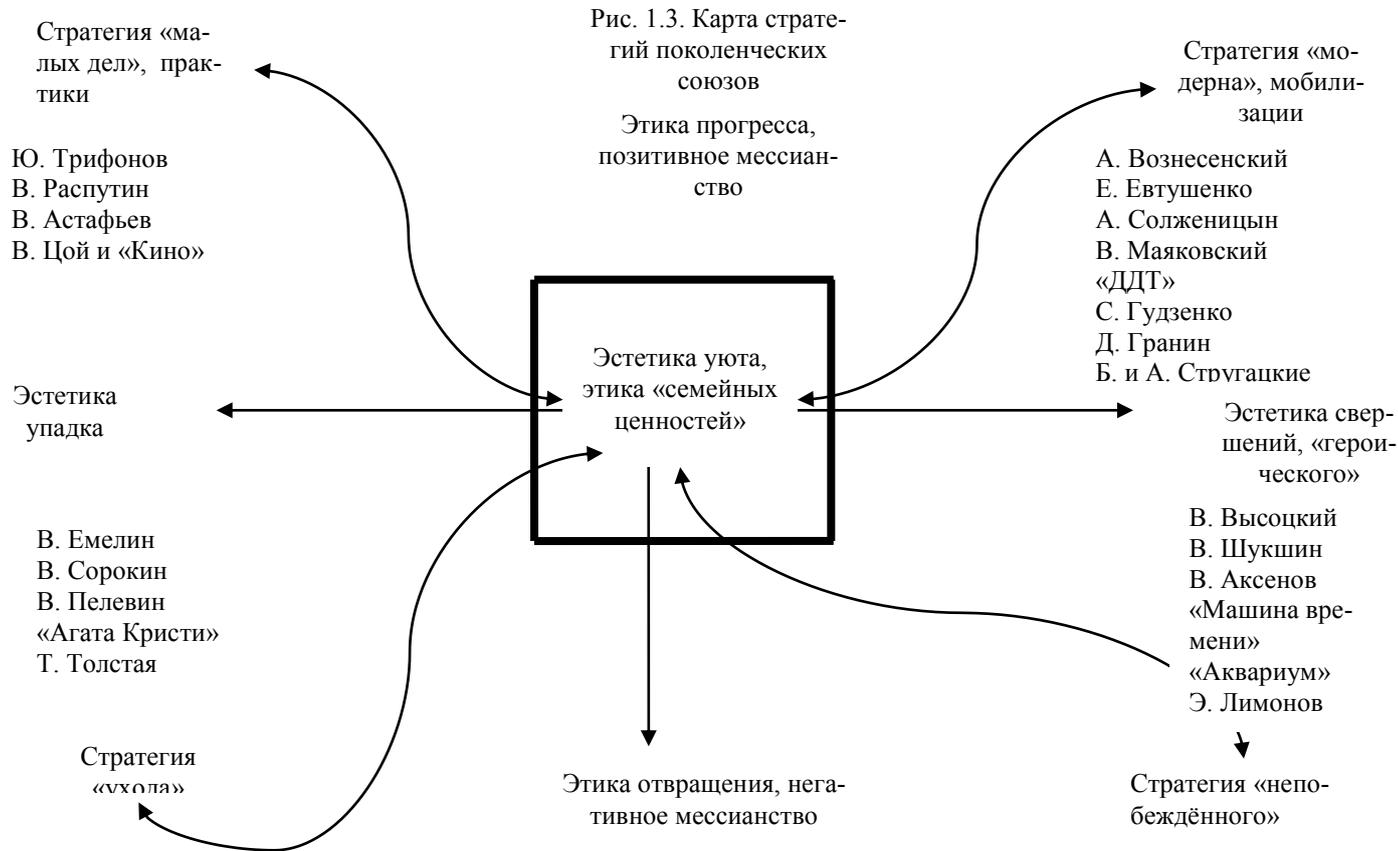
- открытость – скрытость (латентность) в позиционировании поколения по отношению к официальной элите. Отношение к «чужим» может быть очень разным: от «они, может быть, тоже по-своему правы», до «чего с ними вообще разговаривать, они в принципе понять этого не смогут»;

- отношение к насилию, готовность к его применению по отношению к оппонентам. Между открытостью/латентностью и готовностью к насилию нет непосредственной связи – террор может начинаться как с открытого «объявления войны», так и без оно. Аналогично – примирение может осуществляться в форме публичного договора, а может – в форме негласного консенсуса. В то же время скрытость стратегии, как правило, сопровождается нежеланием признавать как террор, так и примирение, эту тема в данном случае может быть исключена из общественной коммуникации;

- темп реализации стратегии и её горизонт. Стратегии могут быть как долгосрочными, выходящими за срок жизни одного поколения, и в этом случае темп их реализации становится относительно неважным. Здесь принципиальным становится выбор средств, так как считается, что они могут скомпрометировать цель и ценности поколения. Напротив, краткосрочные стратегии связаны с тем, что поколение хочет добиться «при своей жизни», темп здесь очень важен, и для достижения цели используются все имеющиеся средства;

- отношение к «ядру социума» – доступность стратегий: «первые среди равных» или, напротив, «избранные» и «толпа». В случае

доступности стратегии внезапно возникает «многочисленное поколение» (вне зависимости от численности возрастных когорт, во

время которых формируется поколение), и, напротив, в случае, если стратегия предполагает «избранничество», социологи редко характеризуют социальные группы, которые используют такой способ достижения цели, как «поколение». В этом случае их часто не замечают, отрицая «поколенческий фактор»;

– отношение к Западу и к проблеме эмиграции в целом. В отличие от «ядра социума» национальная элита должна как-то позиционировать себя перед другими национальными элитами, а также Западом, понимаемым как «мировое сообщество». Для части стратегий Запад и свобода передвижения представляют безусловные ценности, ради которых можно пожертвовать даже «прорывом» в национальную элиту, для других – это второстепенные ценности по сравнению с тем, что даёт обладание национальным капиталом.

1. Стратегия «модерна»¹⁰. Эта стратегия предполагает высокую степень открытости и публичных дискуссий по ключевым вопросам жизни общества. Элита здесь – первые среди равных. Даже если в силу каких-то причин люди, придерживающиеся этой стратегии, оказываются вынужденными скрывать свои взгляды, всё равно в своих выступлениях в «официозе» они так или иначе, часто эзоповым языком – стараются провозгласить свои ценности. Данная стратегия предполагает наличие долгосрочного горизонта и сравнительно равномерный, поступательный темп реализации. Важную часть внутр поколенческих конфликтов здесь играют споры о средствах достижения цели. Кроме того, здесь предполагается, что в модернизации общества должны участвовать все, так что социальные фильтры открываются максимально широко.

В отношении к насилию люди, придерживающиеся этой стратегии, вообще говоря, амбивалентны. Её долгосрочность требует быть осторожней с выбором средств – а насилие, даже по отношению к бывшим «палачам», может надолго скомпрометировать осуществляемую модернизацию. С другой стороны, вовлечение в процесс народ-

---

¹⁰ «Модерн», «модернисты» – вероятно, не самое удачное наименование стратегии, совмещающей этику прогресса и эстетику героического, поскольку оно совпадает с определённым художественным стилем и даже эпохой (конец XIX – середина XX века). В то же время, к сожалению, я не могу подобрать более точного термина для характеристики уверенности таких людей в возможности гармоничного сочетания научно-технического и социально-экономического прогресса, в возможности «счастья для всех», выражаясь словами героя романа братьев Стругацких. Эта вера в возможность кардинального изменения мира к лучшему и реализацию моральных «абсолютов» объединяет очень разных персоналий в единую группу (например, «шестидесятники»).

ных масс делает насилие весьма эффективным инструментом (и, надо сказать, по большей части одобряемым массами по отношению к «врагам»). Поэтому террор или, наоборот, гражданский мир в условиях прорыва этого поколения в элиту являются длительными, сравнительно стабильными состояниями. Это – нормы реализации стратегии, и от них трудно отказаться.

«Модернисты» всегда ориентированы на Запад. Они либо его «догоняют» и хотят победить, либо желают войти в «сообщество цивилизованных народов» путём уступок и следования советам иностранных старших братьев... Легитимация их заслуг на Западе для них принципиальна.

2. Стратегия непобеждённого¹¹. Это – стратегия избранных и для избранных, предполагающая изначальное деление социума на «толпу» и «героев», «обывателей» и «чудиков», тех, кто способен выскочить из жизненной колеи, за «линию флажков», и тех, кто будет продолжать жить «по накатанной». Как правило, это стратегия «с двойным дном», поколения, которые её реализуют, никогда напрямую не заявляют о своей «избранности». Поэтому она реализуется скрыто, а заявление позиции «героя-одиночки», отстаивающего свои экзистенциальные ценности, изначально ставит социолога в тупик: если он – один, то как можно говорить о «группе», о «поколении»?

Данная стратегия имеет краткосрочный горизонт и высокий темп реализации. Положение «избранного» предполагает попадание в элиту (контрэлиту) ещё при жизни, поэтому средства приобретения капитала здесь максимально разнообразны и не исключают индивидуальное (в том числе, криминальное) насилие. Однако «легитимный» официальный массовый террор как средство реализации стратегии здесь исключён, в отличие от «модерна». Для «непобеждённого» характерно наличие в его жизни множества «чужих», «палачей», «агрессивно-послушного большинства» и т.д., но сам он открыто, легально может только «пресекать экстремизм» отдельных личностей, не более того. Хотя бы этих «отдельных личностей» и набралось бы достаточно много, так что на практике они составили бы целые социальные группы, поколение «непобеждённых» будет искренне отрицать своё системное насилие по отношению к другим. С их точки зрения, объект

---

¹¹ Может, точнее было бы сказать «непобедимого», в соответствии с одноимённым рассказом Э. Хемингуэя.

насилия (а они для себя – всегда жертвы) не может быть субъектом террора.

Ещё одна черта этой стратегии – требование к высокой энергетике, «харизме» поколения. Изначально заявленное противостояние «большинству» требует высокого напряжения внутренней жизни (хотя герою может никто и не противостоять в социальной реальности, поскольку социологического большинства не существует в природе – всегда есть только коалиции меньшинств, создающихся для решения разных общественных проблем, меняющихся со временем, как в калейдоскопе). Более того, «герой-одиночка» в *социальном смысле* всегда обречён на поражение, даже получив огромный экономический капитал и войдя в список миллиардеров, даже став суперэлитой – его ценности «по определению» не могут стать ценностями большинства. И это часто приводит к «закрытости» ценностей таких поколений, не пониманию их другими, о чём уже говорилось выше. Именно про таких людей Г. Стайн сказала, что они – «потерянное поколение» (и это высказывание Э. Хемингуэй поместил в качестве эпиграфа к роману «Фиеста», после чего термин стал популярным).

«Западный фактор» для стратегии «героев-одиночек» важен не менее, чем для «модернистов». Эмиграция здесь рассматривается как один из возможных вариантов стратегии прорыва в элиту; а эмигрант – как заведомо «избранный», вне зависимости от того, какой социальный статус он получает в западной стране.

3. Стратегия ухода. Данная стратегия заявляется, как и стратегия модерна, максимально открыто. Однако если для поколения «модерна» критика существующего положения дел ведётся с позиций возврата (или построения новых) нравственных ценностей в настоящем времени, сейчас, то для поколения «ухода» характерен нигилизм, отрицание сегодняшних ценностей в принципе. Часто для удобства критики занимается шокирующая позиция защиты предыдущего (но не сегодняшнего!) поколения модерна, тогда критика ситуации настоящего ведётся с позиций мифологизированной истории. Для этого поколения нет и не может быть живых авторитетов – последние и есть апологеты и создатели полностью лживой и омерзительной современности, в которой не хотят жить «уходящие». Поэтому чем большим капиталом обладает та или иная «официальная» личность, тем жёстче делается отношение к такому человеку – ведь он сделал свой капитал на создании современной системы. То же самое происходит и в отношении

«общепринятых» ценностей и идеалов – коммунизма и капитализма или, скажем, патриотизма и «космополитизма». Целью является прорыв к истинным, действительно общечеловеческим ценностям, хотя для этого могут быть использованы и средства Герострата. Этот прорыв может реализовываться и через суицид, тогда символический уход дополняется уходом в самом что ни на есть прямом, буквальном смысле. Как и в случае с «непобеждёнными», суицид здесь, в принципе, получает положительную моральную санкцию.

Эта стратегия, как и стратегия модерна, рассчитана на долгосрочный горизонт, однако темп её реализации нестабильный, «рваный». Долгие периоды относительной «спячки» и сравнительно спокойного сосуществования с социальным окружением могут сменяться лихорадочной деятельностью по самореализации. «Уход» проявляет себя в самых разнообразных формах, поэтому постоянная борьба за приращение собственного символического и экономического капитала внезапно может смениться апатией, возвратом к «семейным ценностям», увеличением потребления спиртного и наркотиков, присоединением к той или иной религиозной секте, увлечением мистикой.

«Уходящие», как и «непобеждённые», полагают себя «жертвами системы» и в силу этого неспособны к организации тотального, системного террора. Однако если «непобеждённые» скрывают своё избрничество от «толпы» – и уже в силу этого не являются последовательными, непримиримыми врагами официальной элиты, то в случае «уходящих», открыто противостоящих всем социальным группам, которые реализуют другую стратегию, дело обстоит именно так. Здесь градус противостояния намного выше, поэтому именно такие поколения реализуют наиболее шокирующие общественное сознание эстетические проекты.

Прорыв в элиту через получение политического капитала здесь является редким исключением и происходит в периоды больших социальных трансформаций. Тогда подполье действительно может стать «официозом». В основном стратегия ухода связана с приобретением символического капитала, как культурного, так и компетентностного. Получение статуса «гуру» может сопровождаться приобретением и экономического капитала – процент аскетов и стойков среди «уходящих» вряд ли отличается от аналогичного показателя в поколениях, реализующих другие стратегии. И хотя «компетентностный» статус ближе к «избранному», чем к «первому среди равных», для «уходя-

щих» будет характерно именно последнее отношение к «своим» авторитетам. Это обусловлено уже рассмотренным выше полным отрицанием позитивных заслуг официальных высокостатусных персон.

Другим вариантом прорыва в элиту для этого поколения является приобретение экономического капитала. Поскольку официальные, формальные ценности рассматриваются здесь исключительно как фальшивки, постольку в процессе получения богатства легко могут быть нарушены как общепринятые моральные, так и юридические нормы (то же самое справедливо и для «героев-одиночек»).

Запад и эмиграция здесь рассматриваются лишь как варианты «ухода», по-видимому, примерно равные большему количеству спиртного и наркотиков, не более. Он существует как культурная ценность, однако для «уходящих» часто не меньшую ценность может представлять и Восток (прежде всего Индия и Китай) или «глубинная», почвенная Россия. Хотя следует учитывать, что ориентация на «компетентностный» статус для части «уходящих» делает эмиграцию весьма привлекательной: это своеобразный прорыв из андеграунда в элиту (правда, не в национальную, а в мировую).

4. Стратегия малых дел (практики). Данная стратегия также предполагает деление социума на «избранных», улучшающих мир, и «неразумное население». В отличие от «модернистов», стремящихся радикально улучшить, изменить социальное устройство и духовный мир каждого человека, «практики» совершенствуют имеющееся. Другими словами, в отличие от модернистов-реформаторов, это менеджеры-бюрократы. Одновременно они отличаются и от «уходящих»: если для последних эстетический идеал – грандиозные величавые руины, оставшиеся от победы над «старой ложью» и «палачами», то для «практиков» это – новое строительство. Поэтому они продолжают улучшать то, что достаётся им от предыдущих поколений, это – своеобразные конформисты. Причём конформизм состоит здесь не в том, что «практик» отказывается от своей точки зрения в пользу мнения большинства в расчёте на получение выгоды для себя, отнюдь, «практики» могут быть весьма конфликтны, эгоцентричны и последовательны. Их конформизм состоит в том, что они отказываются обсуждать основания социального устройства, они «принимают мир таким, каков он есть».

Поскольку такая ориентация идеально «вписывает» данное поколение в социум, некоторые социологи презрительно называют их

«манкуртами» или «големами»¹², относя их к «потерянным поколениям». Это результат плохого знакомства с ними и непонимания сути стратегии «практиков» – они позиционируют себя почти всегда как «вечно вторые». Пока представители других жизненных стратегий, «теоретики» ведут споры и принимают на себя риски за радикальные решения, «практики» занимают ключевые места для реализации этих решений. Естественно, такая стратегия не декларируется «ядру социума» – здесь, как и у «непобеждённых», нет потребности в социальной мобилизации¹³.

Горизонт этой стратегии – краткосрочен, цели «практики» ставят себе «реальные». Темп реализации стратегии – средний, не медленный, но и не быстрый; практиков раздражают как авралы, так и апатия, им нужна постоянная, стабильная работа и непрерывный прирост экономического и политического капитала. При этом они «концентрируются на мелочах», и хотя они и ориентированы на будущее (сравнительно редко – на прошлое) как идеал, но прекрасно осведомлены о сегодняшних условиях жизни. В результате латентности этой стратегии смысл и цели деятельности уходящего поколения «практиков» ускользает от внимания социологов и историков также, как и мотивы поступков «непобеждённых». Это – «закрытые миры» со своими ценностями.

В отличие от «героев-одиночек», которые для себя всегда – жертвы обстоятельств, «практики» для себя – «победители». Они владеют обстоятельствами, выстраивают их. К террору они относятся нейтрально – если он «вписан» в нормы общества «модернизаторами», то как инструмент он будет использоваться «практиками», если нет, то он и не будет ими создаваться. Для них нет проблемы цели и средств; для них существуют лишь вопросы удобства и эффективности. «Практики» – это и есть та «система», которой боятся «непобеждённые», которую ненавидят и пытаются взорвать «уходящие», над которой, наконец, проводят свои реформаторские эксперименты «модернизаторы».

Наконец, «практики» – единственные, кто настроенно относится к Западу и ждет от него неприятностей. Это связано с отсут-

---

¹² См., напр. Дубин Б. Поколение: социологические границы понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2 (58). С. 15

¹³ Характерен шуточный тост, распространенный среди «практиков»: «За узкий круг ограниченных людей».

вием их легитимации на Западе – вне национального социума высокий социальный статус практиков подвергается оскорбительному сомнению. Российские бюрократы или успешные администраторы, обладающие политическим капиталом, ассоциируются на Западе в лучшем случае с коррупцией, а в худшем – с организацией репрессий, владельцы крупных состояний – с воровством и связями с криминальным миром. Символический капитал «практиков», как правило, незначителен (или отрицателен). В связи с этим стратегия позиционирует практика как «патриота». Патриотизм здесь понимается в весьма узком «практическом» смысле неприятия эмиграции и ориентации на приумножение своего капитала прежде всего внутри страны.

3. Межпоколенческие и внутрипоколенческие конфликты. «Хранители» и «предатели». Реформы и революции

Стоит подчеркнуть, что речь идёт о демократическом устройстве общества. В таком устройстве всегда присутствуют элементы прежних политических и экономических устройств (аристократическая сословность превращается в корпоративную, крепостная зависимость – в систему пожизненного найма с определёнными пенсионными гарантиями, рабовладение – в систему криминального насилия и торговли людьми, и т.д.). Несмотря на определённую плодотворность подхода, при котором современное социальное устройство России рассматривается как сословное¹⁴, представляющее своего рода реинкарнацию феодализма, мне трудно согласиться с такими взглядами. Поколенческие союзы и стратегии поколений, о которых здесь идёт речь, возможны только в условиях демократических правил социальной коммуникации и рекрутирования элиты. Более того, само *общее эмоциональное переживание и осознание* социальных событий, которое лежит в основе формирования поколений, возможно только в условиях демократии – в противном случае смену поколений можно рассматривать только в рамках одного сословия. Однако различение стратегий проникновения в элиту *в рамках одного сословия* – нонсенс.

Поэтому, возвращаясь к первому разделу данной работы, стоит повториться, что я солидарен с М. Кантором и Ф. Закарией в оценке советского (социалистического) и современного (капиталистического)

---

¹⁴ См. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.

политического устройства России – и то и другое является [нелиберальной] *демократией*. Однако на протяжении последних пяти десятков лет в СССР и России существенно менялись ценности поколений, что, в свою очередь, приводило к изменению политики, или, в других терминах, к изменению распределения власти. Как результат, несмотря на общее сохранение принципа «народовластия», само общественное устройство, или, если угодно, социальная структура, менялась весьма существенно.

Однако прежде чем перейти к схематическому описанию исторического процесса и процесса изменения социальной структуры, необходимо дополнить и уточнить предлагаемую теоретическую модель «карты стратегий» поколений.

Во-первых, как это ни парадоксально звучит, молодой человек может «выбрать себе поколение»; другими словами, определяя свою жизненную стратегию, он вступает в один из доступных ему в данный исторический момент поколенческих союзов. Строго говоря, *любая* возрастная когорта в какой-то пропорции распределяется *между всеми четырьмя типами стратегий*. Однако «дух поколения» создаётся доминирующим большинством, молодому человеку трудно быть «немодным», «не актуальным». Трудно сказать, является ли выбор стратегий полностью бессознательным или всё же в основном сознательным волевым актом. Тем не менее уже с юности, с 13-14 лет присоединение к «своим» и дистанцирование от «чужих» присутствуют всегда.

Во-вторых, по мере перехода в зрелый возраст человек далеко не всегда продолжает следовать избранной им стратегии и сохранять прежние эстетические предпочтения и мораль. Однако переходы в соседние квадранты карты стратегий для него возможны, а в противоположные, как правило, исключены. Подробнее об этом – ниже.

В-третьих, межпоколенческие конфликты принято рассматривать как процесс смены элит, связанный с естественным старением – старики не уступают молодёжи своё место, в процессе конкуренции не пускают к ресурсам и всячески тормозят приобретение следующим поколением политического, экономического и символического капитала. На мой взгляд, это не так. Конфликт возникает из-за того, что разные поколения придерживаются разных ценностей, при этом он всегда имеет весьма сложную структуру и динамику, продолжая когда-то возникший внутривоколенческий конфликт. Однако если оп-

поненты внутри поколения всё равно до конца жизни остаются друг для друга хотя бы отчасти «своими», пережившими в молодости одни и те же ключевые социальные события, но давшими на них разный ответ, то в случае межпоколенческого конфликта стороны являются друг для друга полностью «чужими». И вопрос старшего поколения: «чего им ещё надо?», и вопрос-ответ младших: «как они этого не могут понять?» вполне символичны и естественны.

Таким образом, для дальнейшего анализа здесь необходимо уточнить возможности взаимодействий поколенческих союзов, придерживающихся разных стратегий приобретения капитала, а также возможный спектр эволюции в рамках карты стратегий.

Внутрипоколенческая динамика

1. Поколение «модерна». Именно про таких людей А.П. Чехов как-то сказал, что русские в двадцать лет – радикалы, в тридцать – либералы, в сорок – консерваторы. Действительно, молодые люди, в результате каких-то событий решившие заняться «переделкой общества», редко сохраняют свой поколенческий союз. Мне неизвестно, кому принадлежит фраза «ничто так не портит цель, как попадание в неё», но «модернизаторы» начинают делиться и конфликтовать именно тогда, когда они попадают в элиту. Другими словами, противоречия обостряются именно тогда, когда цель стратегии достигнута и поколение приобретает экономический, политический и символический капитал. В этом случае требование продолжения «переделки общества» уже обращается к самим себе, и поколенческий союз начинает дифференцироваться на «хранителей» и «предателей».

Часть «хранителей» переходят в позицию «непобеждённых», сохраняя тем самым своё пребывание в элите. Однако если раньше, реализуя стратегию модерна, они были доступны для социальной коммуникации и активно взаимодействовали с представителями своей и более молодых возрастных когорт, то теперь они «закрываются» в позиции «избранных». И хотя они «терпят поражение, сохраняя свои ценности», они тем не менее играют роль своеобразных «священных коров», на их положение и капитал никто не покушается. Правда, это происходит в том случае, если они ограничиваются тем, что получили, не пытаясь продолжать реализацию идеалов своей молодости. Если же последнее имеет место, то в этом случае ответ элиты может быть предельно жёстким – от уголовного преследования и «выталкивания»

смутьянов за границу (фактически – за пределы данного социума) до лишения экономического и политического капитала, после чего «непобеждённый» может стать аутсайдером, пополнив собой ряды контрэлиты и андеграунда. Примеры последнего, впрочем, крайне редки, обычно практикуется отъезд за рубеж.

В случае перехода в андеграунд «модернизатор» перемещается в противоположный квадрант, реализуя стратегию ухода. Однако это уже выбор *отдельной личности*, но не поколения. Основная часть бывших «модернизаторов»–хранителей остаётся в элите, становясь «непобеждёнными».

Именно бывшие «модернизаторы», ставшие «непобеждёнными», начинают строить «стеклянный потолок», охраняя и мифологизируя свои заслуги. В отношении них у «толпы» может быть только одна позиция – преклонения. Обладая сравнительно небольшим политическим и экономическим капиталом, заслуженные «непобеждённые» имеют очень большой символический капитал, во многом укрепляемый и поддерживаемый за счёт развитой коммуникации с Западом. Символический капитал используется для блокирования социальных лифтов в отношении представителей других поколений, придерживающихся стратегий, опасных для «бывших». В первую очередь, это новые «модернизаторы», располагающие иными идеями, которые повлекут передел власти. Во-вторых, это поколение «ухода», которое в принципе не признаёт авторитетов и «священных коров».

«Предатели» – или «падшие ангелы» – другие бывшие «модернисты», перешедшие к реализации стратегии «малых дел». Строго говоря, это естественная эволюция поколения модерна, прорвавшегося в элиту. В целом их устраивает политическое устройство, которое позволило им добиться жизненных успехов, и они не собираются его менять. Они будут осуществлять постепенные небольшие реформы в разных областях, будь-то «совершенствование хозяйственного механизма», «внедрение хозрасчёта», «развитие предпринимательства» или «ликвидация естественных монополий»... Часть из них будет поддерживать строительство «стеклянного потолка», позволяющего блокировать проникновение в элиту «чуждых элементов». Однако многие из «предателей» будут опекать молодых «практиков», пестовать и выделять их. Некоторые старые «практики» – бывшие «модернизаторы» – искренне озабочены поиском и подготовкой новых молодых, перспективных, готовых осуществить новую модернизацию об-

щества, «кадров». Однако поиск этот, как и подготовка, ведётся в рамках той самой системы официоза и работы социальных фильтров, которая была когда-то создана (или изменена) самими модернизаторами, в эпоху прежнего передела власти. В результате эта система пропускает в элиту только таких же, как они, ценностно-ориентированных «практиков». Таким образом, «стеклянный потолок» успешно возводится как раз теми, кто говорит о том, что он «шёл всегда на красный свет» («непобеждённые»), и теми, кто наиболее озабочен «приходом во власть нового поколения реформаторов». И если эти люди доживают до победы нового поколения «модерна», то бывают очень удивлены высоким градусом общей ненависти и презрения к ним со стороны «новой элиты».

2. Поколение «непобеждённых». Возможности для смены стратегий этого поколения весьма ограничены. Во-первых, они прорываются в элиту «поодиночке», и каждый раз это – индивидуальный успех, который, как правило, не может быть скопирован другими. Часто это – результат небольшого заговора, авантюры, в которую изначально могут быть посвящены только немногие. Эти последние обладают развитой коммуникацией и сравнительно неплохо организованы. Во-вторых, в отличие от «модернистов» (которые прорываются в элиту большой, хотя и «размытой» группой), у «героев-одиночек» имеется чёткое понимание негативных ценностей – то есть того, что «я не люблю...»; того, что отвергается, но нет позитивной программы.

Важно отличать «героев-одиночек», реализующих данную стратегию смолоду, от «непобеждённых», которые стали таковыми в результате жизненного поражения, *уже оказавшись* в элите. «Непобеждённые» особо не собираются «менять мир», ограничиваясь его критикой, в то время как «герои-одиночки», регулярно сталкиваясь со «стеклянным потолком», вынуждены искать пути его обхода. В этом случае для них возможны всего лишь два варианта. Первый – движение в противоположную сторону от этого препятствия, переход в андеграунд, «теневую экономику», что фактически означает принятие стратегии «ухода». Второй – пытаться пробить «стеклянный потолок» с помощью тех или иных «заговоров», что требует определённой способности к мимикрии и конспирации.

В отличие от «модернистов» и «практиков», поколения «героев-одиночек» возникают (т.е., удельный вес этой стратегии в возрастной когорте становится заметным) весьма редко, для этого требуются осо-

бые исторические обстоятельства. Впрочем, то же самое относится и к поколениям «ухода». Любопытно, что сталинская модернизация, осуществлявшаяся методами «большого террора», несомненно должна была вызывать страх, но сама мораль «прогресса» и высоких ценностей тогда, по-видимому, сохранялась. «Этика отвращения» у молодых начинает доминировать в «золотые» семидесятые годы, в «эпоху застоя». Попытка обратного переноса моральных оценок из 70-х гг. на «мрачные сталинские годы» явно не работает, во всяком случае, оставшимися в живых в восьмидесятые годы респондентами это не подтверждалось. Возможно, конечно, что это было связано с эффективно работавшей машиной репрессий – сколько-нибудь организованного «андеграунда» в сталинском СССР не было. Но и мироощущение прошедшего войну поколения, зафиксированное в стихах, прозе и живописи, ничего похожего на отвращение к окружающей социальной действительности не обнаруживает. Неприятие последней, которое зафиксировано в романах А. Солженицына или поздних произведениях В. Астафьева, исходит из противопоставления нравственных ценностей безнравственным, это не имеет ничего общего с отвращением, которое возникает и к «безнравственному», и к «нравственному», т.е. к морализаторству вообще – в равной степени.

Трудно сказать, является ли появление поколений «героев-одиночек» и «уходящих» необходимым и достаточным признаком того, что данному политическому устройству осталось недолго жить. Однако в варианте СССР всё оказалось именно так. И в этом случае возникло исключение, о котором упоминалось выше: произошла «диагональная» смена стратегий. «Герои-одиночки» внезапно победили, в массе оказавшись в элите. Но поскольку позитивного идеала, собственной *идеологии*, у них не было, они быстро превратились в «практиков», которых до этого воспринимали как своих врагов.

В случае же отсутствия крупных изменений в политическом устройстве «герои-одиночки», прорвавшись в элиту, постепенно превращаются в «непобеждённых», охраняя свою избранность. Кроме того, в этой поколенческой динамике существует ещё вариант «ухода» – либо как «прорыв» на Запад, либо (что реже) как становление авторитетной фигуры андеграунда. Сравнительная редкость «ухода» связана прежде всего с различным ощущением времени – для «героев-одиночек» оказаться вне настоящего во многом означает полный отказ

от претензий на свою сегодняшнюю «избранность», а это уже сродни и отказу от желания попасть в элиту.

3. Поколение «ухода». В этом поколении по мере его взросления тоже появляются свои «хранители» и «предатели». Поколенческая динамика здесь в чём-то симметрично-зеркальна поколению «модернистов» – в случае успеха и прорыва в элиту «андеграундные гуру» становятся «непобеждёнными», перемещаясь вправо, во второй квадрант карты стратегий. И хотя они остаются «первыми среди равных» для «своих», для тех, с кем когда-то начинали, они одновременно переходят в разряд «избранных» для всех остальных. Естественно, что прорыв в элиту в таком случае происходит на основе символического капитала: через науку, культуру, участие в работе масс-медиа.

«Предательство» среди «уходящих» тоже имеет место в случае успеха. Однако оно совершается на базе приобретения преимущественно экономического и, сравнительно редко, политического капитала. Экономический успех заставляет «уходящих» институционализироваться в «официозе», для чего приходится покинуть андеграунд. Бывшие тенивики и «нонконформисты», заработав деньги, появляются в светских «тусовках», рассказывают о своих успехах в гламурных официозных деловых журналах и «эффективно» взаимодействуют с исполнительной властью. Такая жизненная траектория многократно – в частности на примере поколения бэби-бумеров – фиксировалась в западной литературе. Бывшие хиппи и рокеры вполне успешно вписываются в бизнес, а при желании – и в политическую культуру.

Тем не менее стоит подчеркнуть различие траекторий «уходящих», ставших «сытыми предателями», и «практиков». «Уходящие» не проходят школы мелкого служения, они практически никогда не работают мелкими клерками. Если они приходят в исполнительную власть, то это уже уровень политики, позволяющей принимать самостоятельные решения. В результате у них есть представление об «основаниях» мира, и их политические ходы отличаются от традиций «практиков». Указанное различие может порождать конфликты, причём, учитывая отчасти прозападные симпатии бывших «уходящих», такие, по сути, внутр поколенческие конфликты различных стратегий часто рассматриваются как стычки между «прозападными либералами» и «патриотическими государственниками».

4. Поколение «практиков». Это поколение, как и поколение «героев-одиночек», замкнуто преимущественно «само на себя». Их

взросление сопровождается продвижением по карьерной лестнице в рамках официоза; постепенно они приобретают всё больший экономический и политический капитал, естественным образом занимая элитарные позиции. «Практиков» отличает стремление к конкретному знанию, к деталям; принципиальных внутр поколенческих конфликтов (как и у поколения «героев-одиночек») между ними не возникает – если, конечно, не происходит перетряски всего социального устройства. В последнем случае часть «практиков» принимает новые правила игры, оставаясь в элите, в то время как другая часть, участвовавшая в поддержании «стеклянного потолка» особенно активно и занимавшая охранительные позиции, «выпадает» из элиты. При этом «практики» не переходят на позиции «героев-одиночек» или «уходящих» – они остаются теми же, спускаясь на несколько социальных статусов «вниз по иерархической лестнице».

Определённый интерес представляют сравнительно немногочисленные «практики», продвигающиеся в элиту через приобретение символического капитала. Зачастую это авторы популярных детективов и комедий, успешные инженеры и исследователи, не вступающие в конфликт с официальной идеологией. Их жизненная траектория отличается от общего «духа поколения» тем, что они в большей степени ориентированы на Запад, чем их соратники. В результате для них становится приемлемой (и даже привлекательной) перспектива эмиграции. В этом случае переезд на Запад, на работу по контракту рассматривается как обычная ступенька в карьере, но не как «прорыв в элиту», как у «героев-одиночек». Такая эмиграция носит не «протестный», но экономический характер. И если она имеет место именно у «практиков», которые всегда сами для себя являются «победителями», это очень грозный симптом болезни институтов науки и культуры.

Межпоколенческая динамика. Революции и реформы

По-видимому, «нормальным ходом» истории является чередование в элите поколений «модернистов» и «практиков». «Модернисты» пытаются радикально «улучшить» социальное устройство общества, они создают новые социальные лифты, улучшая систему образования, изменяя систему организации НИОКР и общих взаимодействий между образованием, наукой, производством. Это дополняется острыми дискуссиями о переосмыслении исторического опыта, о роли и месте страны в мире и т.д. Между «модернистами» разных поколений

могут возникать острые конфликты, связанные с осуждением старых средств реализации стратегии; в этом отношении новое поколение модерна противостоит как старому поколению, так и своим ровесникам «практикам». Последние всегда выступают за постепенные, поэтапные изменения, что не без оснований воспринимается новыми «модернистами» как «приспособленчество». В этом, собственно, и состоят «обычные» исторические конфликты – новое поколение «модернистов» приходит с программой реформ и конфликтует со старыми «модернистами» и «практиками» всех возрастов.

По мере смены поколений (но не стратегий!) и взросления новых «модернистов» в элите увеличивается количество сторонников «малых дел». Часть новых социальных лифтов ликвидируется, в отношении традиционных социальных фильтров вводятся процедуры, которые делают их работу более жёсткой. Увеличивается степень регламентации как экономического, так и символического производства благ. Если одновременно с этим существенная часть поколения «модернистов» выводится из состава официальной элиты и, потерпев поражение, оказывается в положении «непобеждённых», то начинается «строительство стеклянного потолка».

Какое-то количество молодых людей, придерживающихся стратегий «героев-одиночек» и «ухода», есть всегда, и какое-то их количество проникает и в официальную элиту. С их именами связывают различные громкие скандалы – кто-то перебегает в капиталистический или социалистический (как Дин Рид) лагерь, кто-то гибнет от наркотиков... Значимость таких событий подчёркивается их редкостью. Символическое значение поступков таких людей нельзя недооценивать. Однако, повторюсь, в нормальном ходе истории удельный вес таких людей в элите крайне мал, контрэлита и андеграунд практически отсутствуют; и «уходящих», и «героев-одиночек» относят, скорее, к аутсайдерам, чем к подполью.

В отличие от «нормального хода реформ» революции возникают тогда, когда количество «уходящих» и «героев-одиночек» становится статистически значимым; возможно, правильнее сказать – большинством. До поры до времени их поглощает андеграунд. Однако это уже не отдельные кружки аутсайдеров, а довольно развитые социальные сети, с ясной системой опознавания «свой-чужой» и отработанными средствами предупреждения об опасности. Сначала их интересует «альтернативная» культура и наука – организуются подпольные кон-

церты, выставки и семинары, идёт обмен «самиздатом», формируется институт «лидеров андеграунда». И всё это время идёт обмен сигналами с «официозом». Революция начинается тогда, когда андеграунд находит своих союзников в официальной элите. Союзниками могут оказаться «недобитые» повзрослевшие, но отодвинутые от власти «модернисты» и даже небольшая часть «молодых практиков». И когда происходит объединение части людей, придерживающихся стратегии «модерна», с людьми, придерживающимися стратегии «ухода», «стеклянный потолок» рассыпается. Вчерашние парии оказываются объектом повышенного интереса СМИ, начинается недолгое противостояние элиты и контрэлиты, в которой элита быстро проигрывает. Она не в силах ничего противопоставить новым идеям, от которых её защищал раньше тот самый «стеклянный потолок», а силовое решение проблемы исключено: оно было возможно в самом начале существования подполья (и отчасти применялось), но не тогда, когда бывшие «свои» объединились с «этими».

Тем не менее и революции, и реформы не возникают просто потому, что «созрело» новое поколение. Напротив, новое поколение требуется (и возникает) потому, что прежняя управленческая культура, прежние этические и эстетические ценности ведут экономику к кризису. В капиталистических условиях периодически возникающие кризисы объективно способствуют изменению механизма работы социальных фильтров, не давая элите «заставаться». Однако и там возможны, по крайней мере частично, эффекты «стеклянного потолка». В социалистической экономике такие очистительные кризисы были невозможны «по определению» – основные экономические пропорции определялись *политически*, и кризис неизбежно принимал политический характер.

В настоящее время в России впервые наблюдается экономический кризис, непосредственно не связанный с социалистическим прошлым, с трансформацией общества. Приведёт ли он к обновлению элиты? Как будет происходить «смена поколений»?

Отчасти предлагаемая ниже историческая реконструкция, как мне представляется, позволяет ответить и на эти вопросы.

4. Реконструкция прошлого и попытка прогноза

Дух того или иного времени, таким образом, определяется «духом поколения», которое является наиболее многочисленным и реали-

зует ту или иную стратегию для прорыва в элиту. Однако поколения, которые используют одну и ту же стратегию, могут принципиально различаться по тем ключевым событиям, которые вызвали у них «центральное переживание», поставив тем самым проблему, которую эти поколения будут решать «всю оставшуюся социальную жизнь».

Данная реконструкция имеет целью представить историю недавнего прошлого как реконструкцию жизни и деятельности различных поколений. В связи с этим здесь весьма схематично проводится ретроспектива по следующим «реперным точкам» анализа:

- центральная проблема, в отношении которой формировались внутр поколенческие и межпоколенческие конфликты, и которая предопределила дальнейшую траекторию социального движения различных поколений;
- основные механизмы приобретения капитала и, соответственно, механизмы рекрутирования элиты;
- взаимосвязи между механизмами приобретения капитала и социально-экономическим развитием;
- механизмы возникновения (разрушения) «стеклянного потолка» и разрывов в социальных коммуникациях;
- наличие (отсутствие) культурного и научного андеграунда и «уход» в эмиграцию.

Данные «реперные точки» представляют и критерии сравнения различных периодов новейшей истории СССР и постсоветской России, которые можно рассматривать как *гипотезы*. В принципе, при наличии ресурсов на эмпирическую проверку, они могут быть «развёрнуты» в отдельные направления исследования.

Оттепель (1953–1968 гг.)

Центральным событием оттепели явилась смерть И. Сталина и последовавшая за этим переоценка периода тридцатых – сороковых годов. В элите в это время доминируют два поколения «модернистов»: – «военное поколение» – родившиеся в десятилетия XX века и до 1925-1930 гг. Центральным событием их жизни, по-видимому, была Вторая мировая война; победа и надежды 1945 г. Ужасы войны, дегуманизация, которая имела место во всех воюющих странах, вновь поставила вопрос многих «военных поколений» – как совместить пере-

житый опыт с мирной жизнью, с «ложью и несправедливостью» социального устройства;

– «поколение шестидесятников» – родившихся после 1925 и примерно до 1941 гг. Именно для них центральной проблемой стала переоценка ценностей и поиск способов преодоления «сталинского наследия» в политике, экономике, культуре.

Между этими двумя поколениями не было острого конфликта, тем более что переоценку личности Сталина и его режима военное поколение начало ещё до его смерти. Это было естественным следствием размышлений о «войне и мире». Собственно, ликвидация Л.П. Берия, XX съезд коммунистической партии, постепенная реабилитация репрессированных была начата именно военным поколением, «шестидесятники» включились в этот процесс позже. Поэтому и первоначальные фильтры прохождения в элиту сохраняли своё значение:

– получение среднего и высшего образования, приобретение символического капитала;

– служба в Вооруженных силах (что было особенно важно для выходцев из деревень и национальных окраин);

– работа на вновь создаваемых предприятиях, которые строились не только в Европейской части СССР, но и на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Это открывало широкие возможности для получения как экономического капитала (опыта топ-менеджера), так и капитала политического (уровень начальника крупного цеха был уже «номенклатурой»).

Тем не менее проблема отношения к культу личности и его последствиям военным поколением и шестидесятниками решалась по-разному. Для начала отметим то, в чём оба поколения совпали, – это в осуждении массового террора. Между «сталинскими соколами», военным поколением и шестидесятниками был заключён негласный гражданский мир. Этот мир никогда не был легализован – и вследствие этого, по сути, он был нелегитимен, несправедлив, несмотря на процессы реабилитации репрессированных. Отсутствие легитимности делало негласный гражданский мир неустойчивым – большая часть политической и «силовой» элиты, причастная к организации террора, постоянно ощущала себя в опасности. И таковая, с их точки зрения, возникала каждый раз, когда шестидесятники начинали говорить о «палачах и жертвах»: память о судьбе Ягоды, Ежова и Берии была достаточно свежа.

Насколько эта ситуация была неустойчивой, показали, в частности, новочеркасские события, где элита без колебаний приняла решение о терроре, и слухи о котором моментально распространились по СССР. Тем не менее цепной реакции массового насилия за этим не последовало, хотя легко представить, какой процесс очередной «Промышленной партии» возник бы в подобном случае в начале тридцатых. Дела советских диссидентов второй половины 60-х годов на этом фоне можно признать своего рода «компромиссными», их осуждение поддерживало не только военное поколение, но и часть шестидесятников, уже попавших в элиту.

Основной же конфликт возник из-за существенных нюансов в ответах на центральную проблему поколения. Шестидесятники раскололись на «демократов» – тех, кто считал необходимым возврат через «ленинские нормы» к «истинной демократии», в сущности, западного образца. Это требовало политических свобод, признания частной собственности, развития рыночных отношений. Другую часть шестидесятников-модернистов составили «прагматики» – те, кто считал реформы, осуществлённые Н. Хрущёвым, вполне достаточными для того, чтобы обеспечить развитие страны. Последних поддерживало и военное поколение, считавшее первую группу нарушителями общественного консенсуса, и «практики», которые вполне справедливо считали часть административных и экономических реформ Хрущева противоречивыми и мешающими эффективной работе «хозяйственного механизма». Естественно, что дополнительным «фронтом» этого конфликта был и неизлечимый идеализм в отношениях «демократов» к Западу на фоне Карибского кризиса и начавшейся войны во Вьетнаме.

Учитывая всё это, поражение «демократических шестидесятников» было предрешено, в элите их было явное меньшинство. Результатом стал их сдвиг в позицию «непобеждённых», в то время как победившие оппоненты с энтузиазмом начали заниматься «малыми делами». Среди них были и «косыгинская реформа» 1965 года, и строительство новых городов для освоения удалённых природных ресурсов, и перевооружение армии и флота, и продолжение реализации самых крупных и наукоёмких российских проектов, начатых «модернистами» – космического и атомного.

В то же время негласный гражданский мир, заключённый шестидесятниками и военным поколением, имел неожиданные побочные долгосрочные последствия. Дело в том, что сталинский режим преду-

смастривал постоянную ротацию элиты через механизм репрессий. Физическое уничтожение части людей, занимавших высокие социальные статусы, обеспечивало не только быстрый подъём новых претендентов, но и отсутствие в таком социуме «статусной контрэлиты». Даже те, кто выживал в лагерях и возвращался к жизни в столицах, были маргинализированы: полное лишение имевшегося у человека капитала, разрушение его социальных связей даже при восстановлении его формального статуса не могло вернуть то, что было потеряно.

Стоит отметить и ещё одно свойство сталинской демократии: при всей «слепоте» и массовости политического террора, направленного, в общем, в равной степени против всех социальных групп, особенно тщательно искоренялось всё, что имело какое-то отношение к аристократическим элементам советского общества. Исторически аристократия, как «правление лучших», была связана с земельной собственностью, с контролем за *местными* ресурсами. Аристократы «зарабатывали» свой авторитет в рамках данного города или села за несколько поколений, что создавало неформальные, но легитимные структуры власти в рамках отдельных населённых пунктов. Для сталинского режима народовластия такие параллельные структуры власти были абсолютно неприемлемы, отсюда и такая жестокость по отношению к «кулакам», духовенству, бывшим представителям земства, в двадцатые годы пытавшимся создать советское местное самоуправление.

Демократия в условиях частной собственности и капиталистического механизма функционирования рынка также осуществляет постоянную ротацию элиты. Однако потеря политического капитала, связанная с поражением на выборах и/или потерей места в структурах исполнительной власти не приводит к существенным потерям экономического капитала. Кроме того, аристократические элементы, в достаточной мере независимые от изменений в центральной выборной власти, но весьма зависимые от конкурентной борьбы на рынке, потеря и приобретений экономического капитала, также ротируются. Надо сказать, что в целом такая ротация, как политическая, так и экономическая, также не гарантирует от периодического строительства «стеклянного потолка» различными поколениями. Но в целом она является гораздо более гибкой, чем советская или нынешняя постсоветская. Ненасильственная ротация элит является проблемой для любого демократического социального устройства, однако в целом – чем

жесточе связаны между собой политические, экономические и символические статусы, тем выше вероятность крупных социальных потрясений, связанных с применением насилия. Но за создание «стеклянного потолка» по большей части приходится расплачиваться детям или внукам его творцов. Вначале же идея строительства какой-нибудь «вертикали власти», которая призвана отсечь от прохождения в элиту как желающих провести процесс «денацификации» и лишить капитала всех «коммунистов и чекистов», так и «посадить в тюрьмы и лагеря всех «воров-прихваторов-либералов», разрушающих хрупкий элитный консенсус, выглядит очень привлекательно.

Ликвидация сталинской машины репрессий и заключение негласного гражданского мира вместе с тем ликвидировали и основной механизм ротации. Наряду с расширением социальных фильтров – ростом удельного веса людей с высшим образованием, созданием новых НИИ, вузов, строительством новых предприятий и новых городов – это вначале привело к резкому количественному росту элиты. Никаких «застойных явлений» в данный период времени, естественно, не наблюдалось. Однако отсутствие легитимации гражданского мира вело к постоянному «раскачиванию лодки» шестидесятниками-«демократами». Большая часть тогдашней элиты не могла допустить суда общества над собой, более того, она не видела для этого никаких оснований на фоне победы в войне, реабилитации репрессированных, покорения космоса, существенного роста благосостояния советских людей... Никто не считал себя виновным ни в терроре, ни в травле инакомыслящих¹⁵. Результатом стали «мягкие репрессии» – запрет на

---

¹⁵ Ситуация полностью повторится через двадцать лет – опять начнутся призывы к всеобщему покаянию, и опять никто не будет чувствовать себя виновным, эти призывы будут вызывать лишь общее раздражение. Покаяние как таковое возможно только в одном-единственном случае смены жизненной стратегии – когда модернизаторы, разочаровавшись в применявшихся средствах достижения прогресса, превращаются в «поколение ухода». Ни в шестидесятых, ни в конце восьмидесятых ничего подобного не происходило; а практики, «непобеждённые» и «уходящие» единодушно считали таких внезапно усомнившихся деятелей «козлами-провокаторами», которые хотят сделать из них «палачей и преступников» и нажать на этом себе политический капитал. Прелюбопытно наблюдать, как даже сейчас, в конце нулевых XXI века такие проповеди внезапно начинают изрекать совсем молодые люди (восьмидесятых годов рождения) праволиберальной политической ориентации. Для того чтобы дискредитировать либеральные идеи, ничего лучше и выдумать нельзя. Без возможности поговорить с ними, остаётся только гадать – либо они совсем не знают социального мира России, либо действительно – те самые козлы-провокаторы. Естественно, что их призывы так и останутся «гласом вопиющего в пустыне». Но, может быть, оно на то и рассчитано? К «покаянию» часто любят призывать «герои-одиночки» – для них это один из способов приобретения символического капитала и прорыва в элиту.

занятие руководящих должностей, цензура, наконец, уголовное преследование, включающее не только заключение в тюрьмы и лагеря, но и высылку из столиц «на поселение». Ответом на такие репрессии стала постепенная радикализация – количественный рост диссидентского движения, начало эмиграции на Запад, появление подполья. При этом подполье тогда имело преимущественно политический характер, следует отличать его от более позднего (и массового) андеграунда.

Поколение шестидесятников всё больше и дальше расходилось между собой. Возможности публичного диалога по центральной проблеме поколения постоянно уменьшались. Наконец, точкой, которую, видимо, следует считать концом оттепели, явился ввод советских войск в Чехословакию и выход восьми диссидентов на Красную площадь с плакатами, осуждающими это решение. Причём главным здесь является именно публичный протест диссидентов, а не ввод войск.

За время, прошедшее после окончания Второй мировой войны, СССР воевал постоянно. До 1968 года это были блокада Берлина, «подавление мятежа» в Венгрии, война с США в Корее, «интернациональная помощь» Кубе, Вьетнаму, Египту... Поэтому сами по себе воинские операции за рубежом не были предметом большого общественного резонанса. 1968 год, как дата социальной памяти, связана именно с публичным протестом *части элиты, своих* – опять-таки, новочеркасский расстрел оставил по себе куда меньше воспоминаний. При всём сочувствии «демократов» к рабочим они были (и остались) для них «чужими», никаких демонстраций у Кремля по поводу расправ над низшими стратами советского народа у элитных слоёв не наблюдалось. Как, опять-таки, не наблюдалось публичных протестных акций против войны в Афганистане, несмотря на то, что к 1980 году андеграунд становится массовым явлением (как это показали похороны В. Высоцкого). И это – не случайность: чехи и словаки были «свои», *западные*, афганцы (как и арабы, африканцы, вьетнамцы) – *чужие*.

События 1968 года имели огромное символическое значение для СССР. С одной стороны, это был шок для «модернистов» и «практиков» – открытое противостояние проводимому курсу означало, что, несмотря на все достижения «оттепели», на весь рост народного благосостояния, «эти» не только не угомонились, но «совсем обнаглели». Стало быть, мероприятия по увеличению объёма политических свобод, созданию новых «социальных лифтов» и т.д. не только не дали

желаемого, но и принесли полностью противоположные результаты. С этого момента деятельность, связанная с модернизацией политического устройства, сворачивается, более того, начинается «движение вспять». В элите начинают доминировать «практики», оставшиеся модернисты в значительной мере теряют влияние, частью переходя к стратегии «непобежденных».

С другой стороны, события 1968 г. убедили многих демократов-шестидесятников, что «строй nereформируем». В конце концов, восьмёрка отважных в 1968 году всего лишь реализовывала свои *конституционные права*, в частности, право на свободу митингов и шествий, публичного выражения своего мнения. Расправа над ними показала, что «маски сброшены», «сталинизм торжествует». Так произошёл разрыв коммуникации как внутри одного поколения шестидесятников, а заодно и утрачена возможность коммуникации со следующими поколениями «семидесяхнутых», поколениями «героев-одиночек» и «уходящих». Другими словами, элита «замкнулась» сама на себя, возможности обсуждения справедливости и эффективности социального устройства в легальном, официальном пространстве были надолго исключены (вплоть до конца восьмидесятых, пока не ушла из жизни большая часть бывших «палачей»).

С этого момента также активизируется возведение «стеклянного потолка». Он строится, как уже говорилось, двумя совершенно различными социальными группами, которые, однако, принадлежали к одной возрастной когорте.

Практики обычно создают массу формальных и неформальных процедур, позволяющих провести проверку на лояльность правящей элите. Так это было и в конце шестидесятых. А. Битов как-то назвал такие процедуры «системой постоянных и непрерывных унижений». В социальной реальности у всех этих регламентов, действительно весьма унижительных для людей, располагавших символическим капиталом, была другая цель – указать социальным акторам их место, нейтрализовать их возможности влияния на ядро социума. Для этого применялась масса инструментов: от необходимости участия в постоянных комсомольских, партийных и профсоюзных собраниях до «субботников» и осенней помощи селу, так что «компетентностный» статус уничтожался на фоне мифического «общественного». Характеристика – хороший учёный (инженер, администратор, художник и

т.д.), но плохой общественник¹⁶ полностью закрывала возможности для прохождения в следующую социальную страту. У советского человека тогда была масса важнейших социальных функций, неисполнение которых фиксировалось в его «личном деле». Необходимо было стоять на учёте: паспортном, воинском, профсоюзном; участвовать в очередях – на жильё, машину, гараж, садовый участок; иметь личную карточку (историю болезни), трудовую книжку; быть членом обществ Красного Креста, защиты мира, охраны памятников, охраны природы... При этом каждая из исполняемых социальных функций могла оказаться в конечном счёте более важной, чем компетентностный статус субъекта при рассмотрении вопроса о выделении ему материальных благ или назначении его на более высокую должность. В свою очередь, последние обстоятельства оказывали решающее влияние на выделение тех или иных ресурсов, которые были необходимы для собственно «компетентностной деятельности».

В конечном счёте, большая часть инициативной компетентностной деятельности сводилась практиками к презираемому понятию «самодеятельность», противопоставляемому уважаемому понятию «профессионализм». Учёный, который работал над монографией, не включённой в план издательства, не говоря уже о писателях, поэтах, художниках – мог оказаться «тунеядцем». С другой стороны, если этот же учёный или инженер захотел бы работать ещё «на полставки», для этого требовалось разрешение его непосредственного начальника, справка с основного места работы. Всё это было «самодеятельностью», «дилетантством».

«Непобеждённые» отвечали примерно тем же – созданием ритуалов, позволяющих проводить проверку и опознание «свой-чужой». Однако если в случае «практиков» регламенты являются во многом формализованными и требуют соблюдения «внешних приличий», то ритуалы «непобеждённых» являются весьма изощрёнными и направлены на формирование определённого образа мыслей. Регламенты практиков были (и есть) легальны, официальные, по этим правилам должна была жить вся страна, соответственно, они были призваны

---

¹⁶ Другой вариант – «хороший специалист, но плохой человек», «человеческое» приравнивалось к «общественному». Так, на комсомольских и партийных собраниях зачастую обсуждался «моральный облик» отдельных коммунистов и комсомольцев. Член партии, обвинённый в супружеской измене, мог быть лишён возможности дальнейшего карьерного роста, как «потерявший моральный облик».

воспитывать лояльность как у ядра социума, так и у элиты. Отсюда – «тупость» и «унизительность» этих процедур. Ритуалы «непобеждённых» были (и есть) призваны воспитывать верность своему лидеру (лидерам), они предназначались для «избранных», которых милостиво «допускали в круг». Эти ритуалы не могли быть легализованы «по определению», поскольку были направлены на формирование лояльности к отдельным лидерам замкнутых групп. По своим признакам такие группы весьма напоминают секты.

К концу шестидесятых – началу семидесятых годов именно по таким сектантским признакам начинает функционировать большое количество самых различных «кружков» – от научных школ и «клубов директоров» до «московских кухонь», клубов самодетельной песни и объединений художников. Внутри каждого такого «кружка» существовала достаточно строгая иерархия, определённая лидерами, которые принадлежали к поколению шестидесятников. Чтобы попасть в этот «круг», младшим требовалось пройти через долгий путь ученичества и усвоения ритуалов, по ходу которого воспитывалась лояльность к лидерам.

Стоит подчеркнуть, что в отличие от практиков, которые в случае проявления внешней лояльности могли помочь молодому человеку пройти дальше по лестнице статусов, причём в случае выполнения определённых условий – получить статус более высокий, чем у них самих. В случае непобеждённых иерархия «учитель – ученик» остаётся таковой навсегда, до ухода из жизни лидера «кружка». Тогда какой-то из учеников может стать «наследником».

Уже к концу шестидесятых система «кухонь» и «научных школ» шестидесятников работала не менее эффективно, чем система партийных и комсомольских собраний. Человек, не принадлежавший к тому или иному «кружку», оказывался чужим для всех, его символический капитал, если он подтверждался степенями, званиями, правительственными наградами, мог быть в какой-то степени признан (в зависимости от несения им общественных обязанностей и демонстрации лояльности) отдельными практиками, но не «непобеждёнными». Учитывая же то обстоятельство, что «непобеждённые», принадлежавшие к поколению шестидесятников, оставались для «практиков» *экспертами*, попасть в элиту «чужак» не мог никогда. Ему «перекрывали кислород» с двух сторон – если он не демонстрировал должной лояльности «строю», это делали практики, если он не был членом «кружка» (а

быть членом кружка означало быть лояльным к лидерам кружка, но не к «строю»), это делали «непобеждённые».

«Стеклоплатформы» к концу шестидесятых были сформированы, причём самым старшим шестидесятником в это время исполняется примерно сорок пять лет. Им оставалось не менее двадцати лет активной деятельности, причём они были полностью защищены от конкуренции со стороны более молодых поколений. И это, естественно, не могло не привести к социальному застою и принятию иррациональных экономических решений, механизм появления которых обсуждается ниже.

Застой (1969–1984 гг.)

В этом периоде доминируют два поколения:

– «герои одиночки», примерно 1950-1965 гг. рождения. Центральным переживанием, объединяющим это поколение, является поражение модерна. Однако это не было связано с каким-то конкретным событием, у каждого человека, принадлежавшего к этой социальной группе, был свой собственный случай, «раскрывший глаза» на происходящее. Проблему, которое решало (и решает до сих пор) это поколение – как выстоять в борьбе с антигуманным, «неправильным» социальным устройством, с «совком», с «диким капитализмом», с «системой» за победу своих личных, субъективных ценностей... Это устройство «сломало» их отцов в начале семидесятых годов (и продолжает «ломать» теперь уже их самих до сих пор, в первом десятилетии XXI века);

– «поколение ухода», примерно 1958-1970 гг. рождения. Здесь также не было какого-то одного конкретного события. Например, часть этой социальной группы выделяет в качестве такового войну в Афганистане, часть – сбитый в 1983 году южнокорейский «Боинг», некоторые – прочитанный в самиздате «Архипелаг ГУЛаг»... Во многом указанные ответы, как мне кажется, даны респондентами «задним числом». Центральной проблемой этого поколения является поиск способа жизни в полностью фальшивом социальном устройстве. Новый же способ жизни должен позволить использовать доступные ресурсы при одновременном отсутствии каких-либо обязанностей к данному социуму.

Именно эти поколения и их конфликт с «практиками» определили дух времени «застоя». Однако кроме них, на мой взгляд, следует выделить ещё две социальные группы:

– «запоздавшие шестидесятники» (1940-1949 гг. рождения, термин предложен писателем Е. Поповым). Центральное событие здесь то же, что и у обычных шестидесятников – смерть Сталина и трансформация советской демократии. Однако этому поколению уже пришлось столкнуться со «стеклянным потолком», и их первоначальная установка на прогресс, модернизацию социального устройства во многом сменилась на «негативное мессианство», отвращение к общепринятым правилам и ценностям. Их жизненная стратегия после 1970 года уже ничем не отличается от стратегии «героев-одиночек» и «непобеждённых»;

– «практики» (1950-1970 гг. рождения). Они решали ту же проблему поражения модерна конца шестидесятых, но их решение было противоположно ответу «героев-одиночек»: они стали искренними сторонниками «правильного» социального устройства. В какой-то мере они снисходительно относились и к сталинскому режиму, который позволил решить проблему технологической и военной модернизации страны («Сталин – эффективный менеджер») ¹⁷. Присоединяясь к шестидесятникам, ставшим прагматиками, они совместно защищали ценности порядка, полностью усвоив негативный опыт оттепели: если «этим» позволить, «они развалят страну» ¹⁸.

Период застоя, где номинально доминировали «практики», сохранявшие контроль над большей частью всех ресурсов – политических, экономических, символических, характеризовался острым межпоколенческим конфликтом. Новых «практиков», которых зачастую называли «молодыми стариками», не особо отличали от шестидесятников. Степень остроты конфликта менялась в зависимости от поколений – от сочувствия и жалости к шестидесятникам у «запоздавших» к разочарованию и ненависти у «героев-одиночек». Что же до поколе-

---

¹⁷ Часто приводимая ими цитата из У. Черчилля: «Сталин принял страну с сохой, а оставил – с атомной бомбой».

¹⁸ Как ни странно, именно это вегетарианское и, в сущности, довольно смирное поколение «демократические» публицисты-шестидесятники окрестили «коммуно-фашистами». Впрочем, к концу восьмидесятых, когда запускается в оборот этот термин (наряду с «агрессивно-попугавшим большинством») они, как и А. Солженицын, имели уже абсолютно фантастические представления об окружающей их социальной реальности.

ния «ухода», то здесь было ещё жёстче: «как, в СССР была какая-то оттепель?» Здесь не различали уже ни шестидесятников, ни «сталинистов», господствовал тезис «людям после сорока лет нельзя верить в принципе».

В условиях «стеклянного потолка» *привычные социальные фильтры прекращают выполнять свою обычную роль уже к середине семидесятых*. Примерно с этого времени в вузы идут уже не для получения новых знаний и приобретения символического капитала, но чтобы не служить в Вооружённых силах (или – женский вариант: выйти замуж за статусного жениха), армия рассматривается как вычеркнутые из жизни два года. Работа на вновь создаваемых в Сибири и на Дальнем Востоке предприятиях – социальное поражение, понижение статуса, а не приобретение политического и экономического капитала. Горизонтальная мобильность резко замедляется; в северные и восточные регионы едут те, кто потерпел поражение в борьбе за ресурсы в Центре, на Юге и на Западе СССР; другими словами, едут «худшие». При малейшей возможности возникает обратное движение – в Москву, Петербург, Ростов, Киев, Минск, Прибалтику...

Постепенно в элите начинает доминировать негативный отбор – в нее попадают «такие же, как я, только немного хуже». Именно так работают теперь как научные школы, так и прочие «творческие объединения» – в иерархии качеств на первом месте здесь оказывается лояльность лидеру, на втором – лояльность самому «кружку». Однако и в отношении официальной иерархии дело обстоит лишь немногим лучше. Здесь отбирали по признаку лояльности к действующему режиму социалистической демократии – а стало быть, в элиту могли попасть только молодые «практики», «герои-одиночки» не отличались лояльностью ни к лидерам, ни к строю, как и «уходящие», не признававшие официальных авторитетов.

Негативный отбор – оборотная сторона такого явления, когда привычные социальные фильтры перестают работать. Компетентность, смелость, готовность терпеть лишения ради реализации крупных проектов – все эти качества, необходимые для прохождения прежних социальных фильтров в шестидесятые годы, в семидесятые перестают иметь значение. Лояльность, сама по себе являясь хорошим качеством, будучи взята в отдельности от других важных «элитных признаков», не даёт возможности сформировать «качественную» эли-

ту, способную к решению сложных внутренних и внешних политико-экономических задач.

Другим следствием ориентации шестидесятников на лояльность был совершенно неожиданный в семидесятые годы рост «стукачества», явления, которое, казалось, ушло в прошлое вместе со сталинским режимом. Однако теперь большая часть анонимок, «сигналов», докладных и прочего шла отнюдь не в КГБ, а в Комитет народного контроля и партийные органы – «общественность» проявляла лояльность к правящему режиму. Но то же самое происходило и во многих «кружках», где члены зорко следили друг за другом и постоянно «выясняли отношения». Временами это принимало фантазмагорические формы, когда сам КГБ оказывался «заложником» творческих союзов: «товарищи» требовали принять меры по отношению к своим коллегам, которые, по их мнению, проявляли нелояльность к социалистической демократии.

Одновременно с негативным отбором продолжается количественный рост элиты. Людей с высшим образованием, научившихся проявлять лояльность к своим «кружкам» и советскому строю, проявляющим чудеса практической изворотливости и претендующих на высокие места в социальной иерархии, становится всё больше. В результате начинают приниматься экономически иррациональные, но вполне рутинные с точки зрения «элитной» логики, решения.

Рассмотрим следующие таблицы.

Таблица 1.1
Количество студентов вузов в 1950–1980 гг.¹⁹

Годы	1940-1941	1960-1961	1970-1971	1980-1981
Все вузы	817	739	805	891
В них студентов, тыс.	812	2 396	4 581	5 284

Первое, что бросается в глаза – резкий рост студенчества за время оттепели. По сравнению со сталинским временем – почти в три раза, а за шестидесятые годы – в два раза. Однако по сравнению с

¹⁹ Источник: Народное хозяйство СССР в 1984 г. Стат. Ежегодник /ЦСУ СССР – М.: Финансы и статистика, 1985. – Стр. 519.

шестидесятыми годами количество студентов в 1970-е возрастает только на 15%, что примерно соответствует росту населения. Отсюда следует и второе важное соображение: к семидесятым годам большая часть вновь созданных «элитных» мест в новых отраслях промышленности и сфере НИОКР (которая как самостоятельная сфера экономики возникает только в конце сороковых, с реализацией «атомного» и «ракетно-космического» проектов) была заполнена поколением шестидесятников, которым оставались те самые «двадцать лет до пенсии» и которым нужно было расти дальше и «выше». Дальнейшее увеличение количества студентов не нужно, но и «сузить» социальный фильтр, ликвидировав вузы, уже невозможно (о причинах – см. ниже).

Таблица 1.2

Количество научных сотрудников в 1950–1980 гг.²⁰

Годы	1950	1960	1970	1980
Всего научных работников (включая научно-педагогические кадры вузов), тыс. чел.	162,5	354,2	927,7	1373,3

Характерное примечание к данной таблице тогдашнего Центрального статистического управления: «В 1940 г. численность научных работников составляла 98,3 тыс. человек. В 1984 г. в СССР насчитывалось около 1,5 млн. человек, или одна четвертая часть всех научных работников мира».

Количественный рост «поголовья» ученых в СССР поражает воображение – за тридцать лет почти в десять раз! И если ещё в 1950 и даже в 1960 году это был один из самых привилегированных социальных статусов, как по размеру оплаты труда, так и по символическому капиталу (звание ученого было почётно), то в семидесятые научная работа становится массовой профессией, а к 1980 г. – «девальвируется», мало чем отличаясь от звания «инженера».

Понятно, что отдача от советских НИОКР отнюдь не росла такими же темпами, как количество «ученых». Экономический рост СССР в семидесятые годы замедляется, а не увеличивается. Можно

---

²⁰ Там же, стр. 103.

сказать, что «ученые» не справились со своей задачей обеспечения технического прогресса, и альтернативным источником роста экономики стали открытые нефтяные и газовые месторождения Западной Сибири и российского Севера.

В принципе, описанная ситуация осознавалась элитой – заклинания об отказе от экстенсивного роста и переходе к интенсивным источникам развития постоянно произносились партийными бонзами и хозяйственными руководителями. *Но любые инновации невозможны без изменения социальной структуры*, а этого-то «практики» как раз и не собирались допускать ни в коем случае. Привилегированному положению «шестидесятников» ничто не должно было угрожать – поэтому, если возникало новое направление НИОКР, для него создавался новый НИИ, *однако старые лаборатории и НИИ не ликвидировались, статус бывших «выдающихся учёных» не мог быть понижен*. Директор НИИ, начальник отдела или заведующий лабораторией – это люди «навсегда», они в полном соответствии с бюрократическим «принципом Питера» могли быть перемещены только по горизонтали или вверх в иерархической структуре. Поэтому и количество учёных, как показывает советская статистика, удваивалось каждые десять лет.

В СССР периода застоя в НИИ и вузах цвела «общественная» жизнь. Ученые ездили помогать сельскому хозяйству, убирали улицы, собирали взносы, строили гаражи, праздновали дни рождения... Для отчётов о выполнении НИОКР брались данные старых отчётов, немного обновлялись – и всё это шло в профильное министерство или Академию наук.

С другой стороны, чтобы заниматься собственно наукой, в НИИ организовывались «самодеятельные» семинары. Иногда они были «подпольными», если дело касалось «общественных» дисциплин. Как правило, такие семинары, как и собственно дискуссии, инициативный поиск, никак «не вписывались» в структуру тогдашнего «научного процесса»²¹.

---

²¹ Забегая вперёд, отмечу, что это не вписывается в «официоз» и сейчас. Вузы, например, должны производить «аттестованных специалистов», т.е. «продавать дипломы». Именно это финансируется и проверяется с помощью множества форм отчётности. Обсуждение как научных, так и обычных методических проблем (как именно преподавать студентам ту или иную дисциплину) – личное дело профессоров и доцентов, «самодеятельность».

Но то же самое происходило и в промышленности, где был принят курс на «концентрацию» производства и создание производственных объединений.

Таблица 1.3

Число производственных и научно-производственных объединений в 1970–1980 гг.²²

Годы	Число производственных и научно-производственных объединений	В них производственных единиц и самостоятельных промышленных предприятий		Удельный вес ПО и НПО во всей промышленности, %	
		Всего	В том числе на самостоятельном балансе	По объёму реализованной продукции	По численности промышленно-производственного персонала
1970	608	2 564	1 427	6,7	6,2
1975	2 314	9 558	4 663	24,4	28,8
1980	4 083	17 896	7 542	48,2	50,1

При этом, по данным ЦСУ СССР, число производственных и научно-производственных объединений, комбинатов и предприятий, состоящих **на самостоятельном балансе** (включая предприятия, подчинённые производственным и научно-производственным объединениям), по отдельным отраслям в 1984 г. составляло 45 539²³. То есть в целом количество предприятий выросло примерно в 2 раза (если пересчитать по численности занятых исходя из некоего усреднённого производственного объединения, получим, что в 1970 г. на самостоятельном балансе было 23 016 предприятий). В результате в семидесятые имели место два процесса:

1) создание производственных объединений, которые в целом значительно увеличивали непроизводственные накладные расходы. Это была чисто административная, ничего не производящая над-

²² Источник: Народное хозяйство СССР в 1984 г. Стат. Ежегодник /ЦСУ СССР – М.: Финансы и статистика, 1985. – Стр. 128.

²³ Там же.

стройка, однако с широкими полномочиями, предоставлявшая дополнительные «элитные» рабочие места;

2) строительство новых предприятий. Этот процесс, как и в случае с НИИ, не сопровождался ликвидацией старых заводов, так что вместо реконструкции последних строились всё новые и новые предприятия.

Уже к середине семидесятых годов трудовые ресурсы СССР и в первую очередь РСФСР были исчерпаны. В результате строительства новых заводов при сохранении старых мощностей (а старые предприятия не ликвидировали по тем же причинам, что и старые НИИ), постоянно снижались и фондоотдача, и производительность труда. Зато увеличивалось количество руководящих должностей по сравнению с рабочими.

Официальная, легальная экономика СССР в семидесятые годы внешне становилась всё более иррациональной, что явилось результатом деятельности «практиков», сохранявших свой благополучный социальный мир. Экзотические процессы переустройства природы, связанные со строительством каналов и дамб, были лишь «верхушкой айсберга». Именно тогда развиваются «административные рынки», в рамках которых обмениваются ресурсы на статусы. Функционирование таких рынков возможно только среди своих, связанных общей лояльностью как к системе статусов, так и к механизмам обмена. Административный рынок требует, по-видимому, гораздо большей степени доверия, чем обычная торговля или банковский кредит: ведь в любой момент обмен статусов на ресурсы может быть расценен как коррупция.

Любопытна аргументация создания новых бюрократических структур и новых «элитных рабочих мест» – производственных объединений, главков, комитетов. Считалось, что экономический рост вызывает усложнение задач управления, что требует и новых многочисленных бюрократических структур. Однако такой подход полностью игнорирует исторические условия. Скажем, задача строительства и запуска Магнитогорского металлургического комбината, а впоследствии – и управления производством этого предприятия в условиях первой пятилетки, с рабочими, имевшими в массе только начальное образование, вряд ли была проще, чем строительство, запуск и управление производством Западно-Сибирского металлургического комбината в годы восьмой и девятой пятилеток в условиях наличия рабочих со

средним образованием, мощной строительной техники, подготовленных инженеров. То же самое касается и новых отраслей – нельзя однозначно утверждать, что расщепить атом человечеству было *сложнее*, чем изобрести паровой двигатель и построить первые железные дороги и паровозы. На мой взгляд, указанная аргументация связана не с возросшей «объективной сложностью» задач управления, а с постепенной интеллектуальной деградацией элиты, вызванной негативным отбором. Ограниченный и всё более деградирующий коллективный интеллект элиты не может произвести рефлексии собственного ухудшения, зато может воспринимать стоящие перед ним задачи как всё более «сложные».

Чем дольше существует «стеклянный потолок», тем сильнее деградирует официальная элита, и тем многочисленнее и авторитетнее становится контрэлита. Рост последней идёт в семидесятые годы по двум направлениям:

- 1) развитие андеграунда, приобретение символического капитала контрэлитой;
- 2) рост теневой экономики – и рост экономического капитала, которым располагает контрэлита.

Российский андеграунд к концу семидесятых становится всеобъемлющим. Одним из самых ярких примеров, возможно, является творчество В.С. Высоцкого – при его жизни в СССР было выпущено две пластинки, стихи же не публиковались вовсе. Однако в России не было города с населением более 100 тыс. человек, где нельзя было бы найти записей большинства песен Высоцкого. Аналогичная ситуация была с творчеством официально запрещённого А. Галича, издаваемых Ю. Кима, Ю. Визбора и многих, многих других.

В отличие от джаза – музыки шестидесятников, которая была официально разрешена, *весь* советский рок-н-ролл, включая «Машину времени», существовал только в андеграунде. Всё это распространялось, передавалось из рук в руки, смешиваясь с торговлей англоязычным роком.

Основная часть андеграунда была не анти-советская, она была «не-советская». Антисоветской была только очень небольшая часть подполья, связанная с диссидентами и Западом. Не-советские же культура и искусство определялись отрицанием «социалистического реализма», концепции, которую исчерпывающе охарактеризовал в

своей старой работе пятидесятых годов А. Синявский²⁴. Эта концепция основывалась на вульгарной марксистской схеме социального развития с «передовыми», «отстающими» и «враждебными» социальными группами; в исторической перспективе «передовые» побеждают, вселяя в сердца читателей /зрителей /слушателей оптимизм и уверенность в «светлом завтра». Всё, что не укладывалось в эту жёсткую идеологическую схему (а не укладывалась *подавляющая часть* произведений искусства), не могло увидеть свет. И творить в такой однообразной манере, очевидно, могли только «практики», заранее рассчитывавшие на официальное признание и публикации.

Однако в андеграунде оказалась не только большая часть культуры, но также и большая часть общественных наук – философии, экономики, истории, социологии, психологии. В культуре действовало противопоставление социалистического реализма всему остальному, в общественных науках был «марксизм» и «буржуазные концепции». Под последними понималось всё, что «отклонялось» от марксизма. Степень «извращений» и «отклонений» определялась официальными авторитетами.

В андеграунде действовало – производило и потребляло культурную и научную продукцию – огромное количество людей; при этом в начале восьмидесятых многие из них (прежде всего родившиеся после 1960 г.) даже не отдавали себе отчёт в том, что они занимаются «самиздатом» и находятся в «андеграунде». Термин «самиздат» у них ассоциировался с Солженицыным и шестидесятниками, он был связан с политической борьбой. Тиражирование же магнитофонных записей или распечатка с негативов романов «Доктор Живаго» Б. Пастернака и «Мастер и Маргарита» М. Булгакова никак с борьбой не увязывались. Между тем роман Пастернака был запрещён, и его распространение каралось уголовным заключением. Но в начале восьмидесятых «самиздат» стал *нормой*, так и не замеченной ни тогдашней официальной элитой, ни сегодняшней официальной историей.

В свою очередь, теневая экономика проявляла себя в двух формах – во-первых, она была связана с «официозом» (серый рынок), во-вторых – с андеграундом и подпольным производством (чёрный рынок). Это был ответ поколений «героев-одиночек» и «уходящих» на

---

²⁴ Синявский А. Что такое социалистический реализм. – <http://antology.igrunov.ru/authors/synyavsky/1059651903.html>

«стеклянный потолок», которым окружила себя элита (это – характерное поведение экономических агентов в условиях нелиберальной демократии – см., в частности, работы Э. де Сото, в которых он выделяет «внезаконную» и «законную» экономику).

Распространение запрещённой музыки и книжек шло рука об руку с торговлей модной, но дефицитной одеждой и обувью. Да и в отношении первых можно сказать, что только часть из них передавалась бесплатно для последующего размножения; в основном же имели место торговля и бартер. Торговали в том числе и тем, что на Западе и Востоке раздавалось религиозными деятелями бесплатно – Библией, Кораном, Ведами... «Поколение дворников и сторожей» к концу застоя располагало весьма существенным экономическим капиталом. На этом стоит остановиться подробнее, поскольку именно здесь проходит тонкая грань между «героями-одиночками», «уходящими» и «непобеждёнными».

Поколение, избравшее своей стратегией «уход», в материальном отношении в среднем жило намного лучше среднего советского человека. В советской экономике, где остро ощущался дефицит трудовых ресурсов и в принципе отсутствовало понятие «гастарбайтер», приходилось доплачивать за непрестижность профессий. Так, дворники получали служебное жильё, прописку в столичных городах и зарплату (если работник брал полторы-две ставки или расширял «зону обслуживания»), превосходящую зарплату инженера²⁵, старшего преподавателя в вузе или младшего научного сотрудника в НИИ. При этом большая часть рабочего дня была свободной, так что у «дворника» оставалось достаточно времени для «тусовок» в андеграунде и участия в торгово-обменных операциях.

Статус дворника был весьма почетен среди маргинализованных советских профессий; он позволял легализоваться в Москве и Ленинграде; тогда это называлось «пройти через дворянство». Почти

---

²⁵ Характерный анекдот того времени: один директор завода просит другого, чтобы тот взял его сына на работу к себе на предприятие, чтобы тот «жизнь узнал». Второй говорит:

— Хорошо, возьму его фрезеровщиком.

— А сколько у тебя фрезеровщик получает?

— 250, если средний, а если хороший, то от 300 рублей в месяц.

— Нет, это очень много. Возьми его на другую рабочую должность.

— Хорошо. Возьму его слесарем на 180 рублей.

— И это ему много. Нужно на 100-120.

— Это ты, брат, загнул. Чтобы такую зарплату получать, нужно высшее образование иметь.

такой же была зарплата вахтёра (сторожа), но она не давала служебного жилья. Наконец, весьма привилегированное положение занимали грузчики промтоварных и продовольственных магазинов (не говоря уже о столь специфической должности, как «рубщик мяса»), непосредственно участвовавшие в работе «серого рынка». В крупных городах на эти должности было трудно устроиться, желающих было значительно больше, чем вакансий.

Молодые люди с высшим образованием (или незаконченным высшим), выбравшие себе стиль жизни «дворников и сторожей», *в принципе* не могли верить в будущее «торжество коммунизма». Однако если «антисоветской агитацией» и распространением самиздата занимался доцент вуза – это могло весьма встревожить и партийные органы, и КГБ. В случае же с дворником ситуация выглядела иначе... Поколение «ухода» служило мишенью для высмеивания и критики комсомольскими изданиями, требовавшими от «уходящих» только одного – лояльности, но именно эта цель была абсолютно недостижимой.

Ситуация на «сером» рынке, где действовали «герои-одиночки» и «непобеждённые», была существенно иной. Денежные потоки здесь отличались на порядок или несколько порядков. В условиях, когда торговля фондами была запрещена, а производственные планы не были сбалансированы со снабжением, на каждом советском предприятии имелись так называемые «неликвиды» (излишки материалов и полуфабрикатов) и неиспользующиеся производственные мощности. Организовать массовое подпольное производство в этих условиях не представляло особого труда, гораздо сложнее было выстроить цепочку сбыта. Необходимо было задействовать транспорт, оптовое звено, розницу – и в каждом из звеньев мог оказаться человек, решивший продемонстрировать лояльность советскому государству. Но к началу восьмидесятых годов государство данную лояльность оплачивало всё хуже (о разнице в оплате инженеров и рабочих уже говорилось выше). Поэтому транспорт, строительство, сельское хозяйство, торговля, существенная часть промышленности уже находились «в тени», а большая часть как директорского корпуса, так и начальников цехов «научилась договариваться» и «решать вопросы» в рамках административных рынков, вместо того чтобы выполнять планы и распоряжения. Последующие громкие процессы восьмидесятых годов, такие, как «рыбное» дело, «хлопковое» дело, дело директоров крупнейших мос-

ковских гастрономов, были хотя и крупными по масштабам, но достаточно обыденными. К концу периода застоя как верхушка элиты, так и контрэлита пребывали в одинаковой убеждённости, что в СССР всё продаётся и покупается.

«Герои-одиночки», как и «непобеждённые», не испытывали лояльности к советской демократии образца восьмидесятых годов и выступали организаторами как «серых», так и полностью «чёрных» схем. Однако в то время на административных рынках действовали в основном «непобеждённые», принадлежавшие к поколению шестидесятников – в «застойный» период трудно было стать руководителем даже небольшого предприятия до сорока лет. «Герои-одиночки» тогда были «на подхвате», «перенимали опыт».

Как андеграунд, так и теневая экономика тесно переплетались с полностью криминальным, уголовным миром, фактически включая его в себя в качестве сравнительно небольшой, но важной части. Уже с середины семидесятых начинается эстетизация уголовной «романтики», людей, которые могут поставить себя «вне закона», «волков, на которых идёт охота». И здесь оба новых поколения – и «герои-одиночки», и «уходящие» – смыкаются в своём отношении к нормам права: самим им всё это соблюдать «западло», однако и законы, и суды, и государство в целом можно и нужно использовать против своих врагов.

К 1985 году из активной деятельности ушла большая часть военного поколения, «шестидесятники» стали приближаться к пенсионным возрастам. Контрэлита, располагавшая к тому времени основным символическим и существенным экономическим капиталом, с отлаженными неформальными коммуникациями (через самиздат, через устойчивые связи с Западом), также сформировалась. Предстояла схватка за власть.

Перестройка как медленная революция (1985–1991 гг.)

Коммунизм как идеология в своём советском варианте потерпел поражение вместе с завершением «оттепели», когда была предпринята последняя попытка модернизации социального устройства. Но разрыв общественных коммуникаций и отсутствие обсуждения основных проблем СССР в «официозе», и прежде всего – в легальных СМИ, создавали иллюзию, что «дело Ленина живёт и побеждает». Большая часть советской элиты, которая в силу своего возраста ещё должна

была помнить шестидесятые, продолжала пребывать в этих иллюзиях. Поэтому, на мой взгляд, дело не в личности М. Горбачёва. Если бы в Политбюро даже победил Г. Романов, который наверняка продлил бы существование «стеклянного потолка», с большой вероятностью результат был бы ещё хуже. Уровень незнания собственной страны в ЦК КПСС был примерно одинаков и приближался к абсолютному.

Естественно, что «шестидесятники-демократы» начали с того места, где их когда-то остановили – с «ускорения социально-экономического развития на основе внедрения достижений научно-технического прогресса» и «гласности». Но страна за двадцать лет радикально изменилась.

«Ускорение», как уже говорилось выше, было невозможно без изменения социальной структуры общества, ликвидации множества неэффективных предприятий, НИИ, строительных и торговых организаций. Очевидно, что проведение указанных мероприятий привело бы к появлению реальной безработицы, снижению объемов производства, ухудшению положения ядра социума – населения. С одной стороны, это плохо совмещалось с идеологическими коммунистическими догмами, с другой – так или иначе потребовало бы применения насилия со стороны политического руководства страны. И в любом случае «ускорение» было несовместимо с «гласностью».

«Гласность» была мероприятием по преодолению коммуникационного разрыва, возвратом к традиционным ценностям шестидесятников-демократов. Однако в данном случае элита не учла, да и не могла учесть, что основная, бóльшая часть символического капитала уже находится в руках контрэлиты, и эта последняя абсолютно нелояльна не только по отношению к трупам коммунистической идеологии, но и к самому государству – СССР. Практически во всех СМИ началось систематическое разрушение основ социалистической демократии (в данном случае понимаемой как способ рекрутирования элиты через коммунистическую номенклатуру) вместе с отрицанием прав «официоза» на господство.

Последним поворотным пунктом в этой революционной трагикомедии, по-видимому, была XIX партконференция, где Горбачёв пытался направить события по «китайскому» варианту. Фактически имел место торг с первыми секретарями областей, краёв и республик – вы допускаете в СССР «капитализм с советской спецификой» и легализуете «теневую экономику» (собственно, последнее уже происходило

с помощью Закона о кооперации), но сохраняете политическую власть. Делегаты-практики не собирались одобрять потерю элитой экономического капитала, и выступили против, надеясь сохранить и то, и другое. В очередной раз проигрывающие «демократы» во главе с Горбачёвым стали угрожать «практикам» выборами. Но партийная элита решила, что выборы – пустая угроза, и согласились на них пойти.

В результате был проведён съезд народных депутатов, на который попали уже не только шестидесятники из разных поколенческих союзов, но и герои-одиночки. После этого процесс разрушения «стеклянного потолка» остановить было уже невозможно.

На уличных митингах происходило братание шестидесятников-демократов с поколением «ухода»: андеграунд становился «официозом».

Контрэлита всегда представляет собой симбиоз крайне разнородных социальных групп, которые объединяет только одно – желание стать элитой и выгнать «тех» с насиженных мест. Перестройка представляла собой союз разных поколений против «практиков», но если бы шестидесятники хоть немного представляли себе, с кем они объединились и что их ждёт уже в ближайшем будущем... Впрочем, социальные группы, участвующие в революциях, *никогда не понимают целей своих союзников.*

В данной работе я сознательно избегаю рассмотрения жизненных траекторий отдельных личностей, хотя привести имена людей, которые принадлежат к тем или иным поколениям и реализуют соответствующие стратегии, бывает весьма соблазнительно. Однако чтобы показать степень непонимания, существующую между «отцами и детьми», рассмотрим один относительно частный пример. Когда Б. Гребенщиков и первый состав группы «Аквариум» пели свою программную песню о «поколении дворников и сторожей», там были, в частности, и такие строчки:

*И наши отцы никогда не солгут нам,
Они не умеют лгать,
Как волк не умеет есть мясо,
Как птица не умеет летать.*

Эта песня была *широко* известна, однако шестидесятники никак не думали, что это – выражение отношения к их поколению, «поколению отцов». Это же всё было о *тех, других*, «коммуняках», официаль-

ной элите. Поэтому они, влившись в толпы молодёжи, с удовольствием распевали на улицах Москвы и Петербурга вместо надоевшего «Интернационала» очень симпатичную им (и до сих пор милую их сердцу) песню того же автора и той же группы «Полковник Васин». Другой песней, написанной БГ на пять лет раньше и тоже ставшей широко известной в офицозе благодаря фильму С. Соловьева «Асса», был «Старик Козлодоев»:

*По крыше сползает старик Козлодоев,
Пронырливый как коростель...*

В отношении главного персонажа – Козлодоева – песенка полна сарказма. Однако *ни один представитель старшего поколения, ни демократы, ни «практики»,* в ответ на вопрос – кто это такой, не смог вспомнить фамилию героя культового фильма «Бриллиантовая рука» (1968), расхвачанного впоследствии на цитаты, в котором А. Миронов блестяще сыграл одного из главных героев, очаровательного шалопаю Козлодоева. Его подельник, которого в этом фильме сыграл А. Папанов, упорно называет своего приятеля «Козлодоевым». Песенка прекрасно выражает то презрение и злость, которое чувствовали «герои-одиночки» и «уходящие» по отношению к постаревшим на двадцать лет шестидесятникам. Но *никто* из последних не примерял это на себя, на свою социальную группу! Они же протестовали, играли джаз, носили штаны-дудочки и ботинки на «манной каше», *ужасно* воевали с комсомольцами! Так что – всё это было *о ком-то другом*; а младшее поколение не собиралось *этим* ничего объяснять.

Шестидесятники-демократы, которые вернулись во время перестройки в официальную элиту, продолжали решать задачи своего поколения. В 1968 году, когда их «первали», они мечтали о «социализме с человеческим лицом». В 1988 году они пытались строить то же самое, в политике допуская существование альтернативных КПСС общественных движений, ослабляя цензуру, а в экономике – развивая «социалистический рынок» с помощью кооперации и трёх моделей хозяйственного расчёта. Однако к тому времени деятели андеграунда приравнивали коммунизм к фашизму, а акторы теневой экономики осознали, что «то, за что раньше сажали, теперь называется эффективным менеджментом». Старые правила и нормы, которые формально никто не отменял, перестали действовать, и уже к концу восьмидесятых официальная элита в глазах «ядра социума» полностью потеряла легитимность.

С точки зрения поколенческой динамики, перестройка выглядит именно как революция: насильственный захват (точнее даже «перехват») власти «контрэлитой» вопреки действовавшей тогда брежневской Конституции, нормам Уголовного кодекса, напрямую запрещавшего спекуляцию, и т.д., и т.п. Место «практиков» в политической элите заняли «герои-одиночки», которые доминировали в этом процессе: новое поколение победило. Демократы-шестидесятники сыграли роль «дымовой завесы» – они продолжали говорить об «общечеловеческих ценностях», о модернизации общества – о всём том, во что они верили. Явно провокационным был будировавшийся именно шестидесятниками-демократами вопрос о «привилегиях», которыми пользовалась тогдашняя формальная элита. «Ядро социума» позитивно реагировало на эти лозунги... однако поколение «героев-одиночек» и не помышляло о модерне или, тем более, уравнивании себя с «толпой». Они ставили себе целью прорваться в элиту, приобрести политический, экономический и символический капитал. А дальше... желательно попасть в мировую элиту, стать признанным на Западе.

Поколение, молодость которого пришлось на перестройку и «лихие девяностые» (1970–1980 гг. рождения), воспитывалось в эпоху политического и экономического краха коммунизма и отсутствия «больших проектов». «Герои-одиночки» манипулировали ими: «Голосуй, а то проиграешь!» (референдум 1993 г.; сейчас мало кто вспомнит, что листовку в поддержку «да-да-нет-да» подписал такой тогдашний рок-символ, как лидер группы «Алиса» К. Кинчев; или выборы 1996 г., о которых пойдёт речь ниже) и вербовали бойцов для своих многочисленных войн. Они не собирались ничего строить, они, вместе с «поколением ухода», собирались разрушать и добывать «совок».

Наивные надежды «учёных» и специалистов оборонки, привыкших считать себя элитой, «интеллигенцией» и ожидавших, что их «компетентный» капитал будет востребован пришедшей к власти контрэлитой, оказались обмануты лозунгами постаревших «шестидесятников-демократов». Прорвавшееся в элиту поколение героев-одиночек вместе с частью «непобеждённых»²⁶ и не собирались модернизировать Россию. Это поколение собиралось её *делить*.

---

²⁶ Каковыми, например, были Б. Ельцин, А. Яковлев и многие другие деятели той эпохи.

Впрочем, стоит сделать важную оговорку – к концу восьмидесятих годов за лояльность «государству рабочих и крестьян» *перестали платить*, в то время как нелояльные (кооператоры, «индивидуалы», деятели андеграунда) стали получать несравнимые с «учёными» доходы. Так что симпатии интеллигенции к контрэлите имели под собой и корыстные основания...

Любопытно, но то, что никакой модернизации не будет, быстрее всех почувствовали поколенческие союзы, принадлежащие к той же возрастной когорте, что и герои-одиночки: практики-учёные и часть поколения ухода. В конце восьмидесятих – начале девяностых резко увеличивается отток этих поколений за рубеж. Казалось бы, «стеклянный потолок» разрушен, открываются новые возможности для карьеры, исследований, творчества: нет цензуры, можно напрямую выходить на предприятия, минуя согласования с главками, министерствами... Но уезжавшие из СССР эмигранты лучше знали и понимали своих сверстников, чем кто-либо другой.

«Холодная» гражданская война (лихие 90-е, 1992-2004 гг.)

Девяностые годы проходят под знаком доминирования всё тех же поколений «героев-одиночек» и «ухода», которые сформировались в годы застоя. Стареющее поколение шестидесятников, широко представленное в составе Верховного Совета, пыталось оказывать слабое сопротивление: наиболее яркой попыткой стал 1993 год. После «расстрела Белого дома» «шестидесятники-демократы» как социальная группа перестают существовать. Вместе с ними из общественной коммуникации уходит и смешной вопрос о «привилегиях». Вот теперь действительно наступило «время менять имена».

Социализм, как известно, нужно строить, а капитализм достаточно разрешить. В условиях, когда о модернизации общества никто и не думал, достаточно было отпустить цены и ликвидировать органы государственного управления экономикой. Основная часть вертикальных коммуникаций, связанных с работой отраслей, в рамках которых функционировали не только административные рынки, но и рутины планирования, ценообразования, соблюдения всевозможных технических регламентов, циклы «фундаментальные исследования – НИОКР – опытный образец – опытное производство – массовое производство» оказалась ликвидирована. Другими словами, отраслевые рынки, в буквальном смысле понимаемые как место встречи продавца-

покупателя, были ликвидированы вместе с ведомствами, где эта встреча и происходила. Вместо экономического *капитала*, который представляли собой как предприятия, так и их руководители, остались *бесхозные ресурсы*, которые теперь можно и нужно было приватизировать. За них и началась *гражданская война*.

Сутью гражданской войны является вооружённое насилие, систематически осуществляемое различными социальными группами как по отношению к «ядру социума» (если *только* по отношению к нему, то война превращается в террор), так и друг к другу. Основными воюющими сторонами оказались поколение «героев-одиночек», на стороне которых по большей части выступала как государственная машина, так и криминальный мир, и поколение «практиков» – бывшая элита, сохранявшая формальное право распоряжения ресурсами (директора предприятий и организаций, руководители контрольно-регламентирующих структур, начальники управлений областных и городских администраций и т.д.), также имевшая влияние на «силовые структуры».

Следует сразу же оговориться, что «герои-одиночки» воевали не только с «практиками», но и друг с другом. В силу представлений о собственной «избранности» им очень трудно признавать наличие символического капитала у своих коллег и конкурентов. Они – максимально *разобщённая* социальная группа²⁷. Но на их стороне была поддержка федеральной власти, кроме того, они были попросту более компетентны, поэтому большая часть ресурсов была «приватизирована»²⁸ именно ими. Кроме того, именно поколение «героев-одиночек» разрушило негласное соглашение элиты о неприменении террора: оно начало широко использовать заказные убийства, «стрелки», рэкет, «откаты»... «Практики» только учились у них, постепенно отвыкая от

---

²⁷ Добавим, что в настоящее время именно это поколение занимает доминирующее положение в российской социологии и политологии, вслед за шестидесятниками, постепенно уходящими от дел. Весьма характерно, что многие из них не признают права за другими на экспертное мнение, предполагая, что их коллеги обслуживают чей-то социальный заказ, а потому не могут быть объективными. Поколение «героев-одиночек» в принципе не способно к коллективной саморефлексии, даже в экспертной своей части.

²⁸ В 90-е годы термин «приватизация» никогда не использовался её основными участниками. При встречах между собой деятели нынешнего капиталистического истеблишмента никогда не спрашивали «Что тебе удалось приватизировать?», но вежливо интересовались: «Сколько украл?».

своих «совковых» привычек, в разнообразии применяемых средств они значительно уступали своим конкурентами.

Важно отметить, что насилие применялось именно *систематически*, хотя в силу своего мировоззрения жертвы системы «герои-одиночки» никогда не согласятся с этим. Они были «камикадзе», «спасали Россию» и, конечно же, «удержали страну на грани гражданской войны». Хотя достаточно сравнить количество вооружённых людей на улицах и в общественных местах в семидесятые и в 1990-е годы, посмотреть на железные двери, решётки на первых этажах жилых домов, прислушаться к возникавшим то здесь то там перестрелкам. Наконец, даже сейчас можно просто съездить на кладбище и посмотреть на количество могил, в которых лежат люди от двадцати до сорока лет, погибшие в девяностые.

Во время гражданской войны образование «не котируется». В первой половине девяностых упал конкурс на поступление практически во все вузы. Однако новым хозяевам жизни требуется легализация – отсюда постепенный рост спроса на людей с экономическими и юридическими дипломами. Немного иначе дело обстоит со службой в Вооружённых силах – с одной стороны, молодёжь всячески пытается от неё «откосить», с другой – растёт потребность частных структур в людях, имеющих боевой опыт, умеющих применять оружие и планировать тактические операции (как по обороне, так и по захвату). В связи с этим возникает амбивалентность – с подачи властолюбивых «камикадзе» военное сословие и «менты» по-прежнему имеют один из самых низких профессиональных социальных статусов, но работа в многочисленных службах охраны (и федеральной, и различных корпораций) уважается и приветствуется. Точно так же почти одновременно с разрушением части старого КГБ создаются новые спецслужбы, наделённые куда большими ресурсами и полномочиями.

Это двойственное отношение легко объяснимо – милиция и Вооружённые силы презируются, так как выполняют задачи обеспечения безопасности «толпы», того самого бывшего «совка», российского народа. А спецслужбы и охранные агентства делают то же самое в отношении «избранных», тех самых «камикадзе», это теперь – «наши».

Надо сказать, что понятие лояльности в 1990-е меняется кардинально. На первом месте теперь оказывается верность своему «герою», на втором – преданность его социальной группе, в то время как лояльность к «демократии» (как раньше – «социализму») или стране –

новоявленной «Эрефии» (как ранее – «Совдепии») теперь отсутствует. Но – может ли быть иначе в условиях гражданской войны? «Патриотизм» здесь становится жупелом, которым награждают политических противников.

Как и в любой гражданской войне, соперничающие социальные группы ищут помощи в зарубежных странах, призывая их к интервенции. В данном случае «герои-одиночки» и бывшая контрэлита в целом рассматривали себя как «ставленников Запада», выполнявших цивилизационную миссию в отношении «диких совков». «Практикам» рассчитывать было особо не на кого, хотя попытки сохранения СНГ, создания различных ЕврАзЭСов были их способом хоть как-то повлиять на внешнюю политику. В связи с этим отчасти можно согласиться с тезисом, что в 1990-е годы в России был установлен «оккупационный режим»: Россия вплоть до 1996 года полностью двигалась в «фарватере» США. Но тогда это отражало *общее* мнение и пришедшей к власти элиты, и многих в контрэлите: раз мы хотим присоединиться к западному миру, то нужно делать так, как они скажут²⁹.

Особым сюжетом 1990-х, существенно повлиявшим на ход гражданской войны, придав ей отчасти открытый, «горячий» характер, является Чечня. Само по себе влияние этнического фактора ничего не меняет в рассмотренной ранее карте стратегий. В случае «репрессированных народов»³⁰ «стратегия ухода» формируется немного раньше, и именно ее и стали реализовывать пришедшие к власти в республиках национальные элиты.

---

²⁹ При этом отдавать иностранцам экономические ресурсы, которые стали бы контролироваться мировой элитой и превратились бы в соответствующий транснациональный капитал, никто не собирался в отличие от бывших соседей по концлагерю. Несмотря на всё преклонение перед Западом, «герои-одиночки» не собирались отдавать ему то, что по праву считали *своим*. В этом смысле они были не меньшие патриоты, чем их оппоненты-«практики», отсюда в целом расхожая характеристика новой российской демократии как «оккупационного режима» несправедлива и напоминает байку о том, как Октябрьскую революцию 1917 года завезла в Россию германская разведка, доставив Ленина в Петербург в опломбированном вагоне.

³⁰ Для «уходящих» вообще характерен поиск своих национальных корней – это один из способов их позиционирования в качестве ущемленного в правах меньшинства и обоснования собственных «моральных прав» на отказ от социальных обязанностей с одновременным требованием для себя различных привилегий. В этом отношении вновь появившиеся в России «казачки» ничем не отличаются от «евреев», а «татары» от «украинцев» или «грузин». Их всех объединяет убеждение, что по отношению к ним «русские» осуществляли «геноцид», «голодомор» и т.д. (при этом неважно, когда это было – 500 лет назад, или 70). Поскольку «уходящие» ведут свою пропаганду открыто, им необходимо обосновать своё *право на непопулярность*.

«Уходящие», как уже говорилось, открыто провозглашают свои принципы, радикально отличающиеся от действующего социального устройства. Все, кто им не следует, – враг. Поэтому так легко находит общий язык большая часть националистов, возникших на территории бывшего СССР. Казалось бы, где Чечня, а где – Прибалтика... но попытка любой российской территории, решившей выделиться из России и создать свою квазигосударственность, была бы поддержана новоиспечёнными республиками. Это вполне логично в рамках реализуемой стратегии противостояния фальшивой общности – «русскоговорящего большинства», которое должно быть ликвидировано тем или иным способом.

Если «уходящим» в силу исторических причин удаётся победить, они восстанавливают ретрорежимы, основанные на «голосе крови и веры», «истинные». В истории человечества такому распределению власти наиболее всего соответствует «рабовладельческая демократия», предполагающая деление людей на «настоящих», то есть своих по крови и вере, и «не-граждан». Лозунг диссидентов 1968 года «За нашу и вашу свободу», который использовался в 1990-е для борьбы за победу «уходящих», теперь звучит жестокой иронией. Такие режимы являются весьма устойчивыми при наличии ресурса «рабов», людей, так или иначе поражённых в правах. Этот ресурс может разрабатываться напрямую, путём войны и захвата пленников, как это имело место в Чечне. Другим вариантом является выстраивание уникального правового режима – разного вида «оффшоров» – позволяющего эксплуатировать («отмывать») потоки ресурсов из разных стран мира. Естественно, существование таких особых географических зон (а на территории бывшего СССР это – Прибалтика, Украина, Грузия, отчасти – Молдова вместе с Приднестровской Республикой) требует поддержки спонсоров, ориентации на различные «полюса силы». Для «героев-одиночек» в целом такие режимы вполне привлекательны, поскольку предоставляют возможности для вывода и последующей легализации экономического капитала на Западе. Положение «соотечественников» их мало смущает – «если им там не нравится, пусть переезжают в Россию». Поэтому новые чеченские рабовладельцы³¹,

---

³¹ Естественно, кражи людей, рабский труд и пытки осуществлялись чеченской элитой не только в отношении «русскоговорящих», но и собственно этнических чеченцев. Как уже указывалось, этнический фактор не играет главной роли при определении стратегии поведения различных социальных групп.

как и прибалтийские этнократы получили довольно сильную поддержку у части «демократической» российской элиты.

Поколение «уходящих» ориентировано на прошлое, но прошлое мифологизированное и идеализированное. Поскольку это поколение *всегда* формируется в ситуации «поражения», которое в свою очередь предопределяет негативное мессианство, это «поражение» необходимо объяснить. В данной логике понятно, что их победил сильный, коварный и ужасный враг-людоед, который систематически уничтожал их язык, культуру, не давал развиваться экономике и прочая, прочая... Теперь этот враг побеждён, а стало быть, нужно устроить суд над прошлым, процесс, подобный Нюрнбергскому. Это – способ привести нацию к покаянию, очищению и единению, поэтому суды над стариками в Прибалтике, строительство памятников Бандере на Украине, процесс над В. Ярузельским в Польше также осуществляются в этой логике. И они демонстрируют тот вариант развития событий, который имел бы место, если бы в ходе перестройки и гражданской войны 1990-х в России победили бы не разобщённые, но харизматичные «герои-одиночки», а сплочённые «уходящие». Они, несомненно, довели бы «демократизацию» и «либерализацию» до логического конца³², о котором сейчас тоскуют «истинные демократы».

---

³² Ставшее «официозом» и получившее желанный политический и экономический капитал, российское поколение «ухода» практически перестало отличаться от «героев-одиночек». Однако в отношении символического капитала это поколение продолжает дистанцироваться от своих старших братьев и уже имеет молодых продолжателей, перерабатывающих их проекты в нынешний гламур. В девяностых быстро стали популярными казачьи и белогвардейские мундиры, организация «масонских лож» и «дворянских собраний», рисование генеалогических деревьев... В нулевых начинают сниматься «исторические» фильмы, например, недавний «Адмирал». В фильме показан персонаж, не имеющий ничего общего с реальным Колчаком, который своими массовыми порками и карательными экспедициями довёл Сибирь, сначала поддержавшую белых, до массовых восстаний.

Другая часть российских «уходящих» разрабатывает теории «славянского арийства» и тоже имеет своих последователей в лице сегодняшних ДПНИ и скинхедов. Видимо, необходимо признать, что опасения старых шестидесятников-модернистов и практиков относительно того, что «если эти победят, то страна развалится», были вполне обоснованны. Во всяком случае, представление о том, что в Великой Отечественной войне победили исключительно потому, что Жуков и ему подобные «завалили окопы немцев трупами российских солдат» (что отчасти имело место в случае этого конкретного мифологизированного военачальника, в отличие, скажем, от Конева или Рокоссовского), сейчас весьма распространено. Теперь уже достаточно легко представить себе судебный процесс, где «человеколюбивые уходящие», последовательные «демократы и либералы» судили бы «военное поколение» за то, что они слишком жестоко вели войну, погубив неоправданно много своих собственных жизней (или – частный случай – не сдали немцам Ленинград).

Логика войны – это захват и контроль территорий и вытеснение с них противника. Приватизация шла неравномерно. Относительно долго сохранялся «красный пояс» – регионы, где контроль за собственностью оставался за бывшей элитой, которая поддерживала необходимый политический альянс с губернаторами. Кроме того, как оказалось, в ряде городов (в первую очередь в «наукоградах», во вторую – в региональных столицах) за время застоя образовалась слабая, но – аристократия. Состав последней был чрезвычайно пёстрым, общим у этих людей было лишь то, что они идентифицировали свою судьбу с судьбой своего *города*, а также имели «неформальную», «размытую» власть. Большая часть из них когда-то была вписана в советские отраслевые структуры, поэтому напрямую не относилась к местной, городской социальной иерархии.

Наличие слабой и редкой, но всё же – аристократии привело к успеху «муниципализации» и становлению местного самоуправления. Правда, необходимо оговориться, что этот успех был достигнут далеко не везде. Но муниципалитеты играли заметную роль в процессах борьбы за местные ресурсы и во многом сумели смягчить социально-экономические потери населения от российского трансформационного кризиса.

К 1996 году, году выборов президента, политическая ситуация в России существенно обострилась. Поколение «практиков» было готово к тому, чтобы взять реванш – иллюзий у «ядра социума» в отношении целей «команды реформаторов» не оставалось, складывающееся распределение власти *никого* не устраивало, на выборах в Государственную думу «Демвыбор России» потерпел сокрушительное поражение. Почувствовав угрозу, поколения «героев-одиночек», «ухода» и отдельные оставшиеся в элите «шестидесятники-демократы» объединили свой уменьшившийся, но всё ещё весьма значительный символический капитал. Всё это было брошено на запугивание «ядра социума» под лозунгом борьбы с наступающим «коммуно-фашизмом», «красно-коричневыми». «Практикам» тогда нечего было противопоставить этому: у КПРФ, которую они тогда поддерживали, старый символический капитал был растрачен ещё в годы перестройки, а новый не был накоплен. В результате большую часть народного недовольства «капитализировать» им так и не удалось.

После победы Ельцина на выборах 1996 года в России сложилась совершенно вырожденная социальная структура. Политологи на-

звали её «семибанкирщиной», но здесь-то как раз и не было ничего «вырожденного»: группы банкиров и владельцев основных предприятий сырьевых отраслей как раз и сформировались в результате «дележа страны», они стали каркасом будущей российской капиталистической «номенклатуры». Вырожденным был класс так называемых «челноков», мелких торговцев, количество которых, по-видимому, исчислялось двумя десятками миллионов человек (вместе с семьями). Существовал этот класс почти исключительно за счёт завышенного курса рубля, поддерживавшегося ростом внешней задолженности России. Во многом эти люди числили себя «успешными предпринимателями» и, в отличие от «совков-бюджетников», они вполне адаптировались к новым условиям и приветствовали «рыночную экономику».

А у «бюджетников» дела обстояли совсем плохо. Мало того что уровень их зарплаты постоянно отставал от доходов занятых в коммерческом секторе, так выплату этой зарплаты ещё и регулярно задерживали. Люди, занятые в производстве «человеческого капитала» - учителя, врачи, преподаватели вузов, учёные, – всё больше и больше маргинализировались. Открытие частных школ, больниц, вузов, где можно было получать гораздо более высокие доходы, обучая детей нуворишей и ухаживая за состоятельными пациентами, постепенно привело к утрате профессиональной этики. Всё это стимулировало развитие репетиторства, разного рода «платных услуг» или, как минимум, к сознательному сокращению затрат времени преподавателей при работе со студентами, что в реальности снижало качество обучения, но в тогдашних отчётах, как и в нынешней «рейтинговой системе» оценок успеваемости это никак не фиксировалось.

Жить в долг бесконечно невозможно, поэтому падение курса рубля было неизбежно. «Герои-одиночки» в результате запутанной истории, в которой заодно, похоже, были сворованы какие-то кредиты МВФ, довели дело ещё и до дефолта. Было зафиксировано беспрецедентное «разовое» сокращение реальных доходов населения – около 40% . Однако никаких «взрывов народного возмущения» это не вызвало: остатки бывшей элиты были политически недееспособны, другой «контрэлиты» не существовало, поэтому всё обошлось потерями политического и экономического капитала для отдельных персон. Наиболее существенным политическим результатом дефолта стало значительное усиление позиций «практиков» в правительстве и регионах. Экономические же результаты были намного важнее – класс

челноков исчез, многие несостоявшиеся «торгаши» вернулись на производство. В результате импортозамещения начали восстанавливаться доходы, но теперь уже на принципиально другой основе – страна перестала жить в долг; напротив, стала возвращать деньги иностранным кредиторам. Но как следствие Россия стала меньше зависеть от Запада... а Запад начал войну с Югославией, что произвело шоковое впечатление на большую часть российской элиты. Многими были сделаны выводы о том, что Россия – следующая на очереди. Последующие бархатно-оранжево-цветочные революции вполне вписывались в этот сценарий, вызывая весьма нервную реакцию у господствующего класса: легко просматривался сценарий «увода» сырьевых предприятий под международный контроль при посредничестве «реформаторов-коллаборационистов». Память о последствиях курса внешней политики Шеварнадзе-Козырева была ещё слишком свежа. Это во многом предопределило те требования, которые предъявлялись к «кадровому резерву», – теперь гражданские лица на первые роли уже не годились. Кадровым военным элита не доверяла, оставались МВД и спецслужбы. Так на первые роли и вышли «питерские чекисты».

Новая интрига развернулась к концу 1999 года, когда старое поколение «практиков» дистанцировалось от коммунистов и смогло организовать новую политическую силу (ОВР). «Герои-одиночки» почувствовали угрозу сразу же. В отличие от прежнего варианта «коммуно-фашизма» к новой политической силе примкнула и часть «своих». Рассчитывать на то, что этому поколению политиков-одиночек когда-нибудь удастся объединиться вокруг *любого лидера*³³, не приходилось. В результате был создан неожиданный встречный проект, во многом повторяющий ОВР – Единство. При рыхлой внутренней организационной структуре, которая позволяла интегрировать и практиков, и небольшое число «героев-одиночек», идеологически этот проект был позиционирован как «нормальный капитализм» против «дикого капитализма» правых и «государственного социализма» ОВР.

---

³³ Не принципиально, кого – Г. Явлинского, Е. Гайдара, А. Чубайса, Б. Березовского, С. Глазьева, Б. Немцова, погибшего А. Лебеда, В. Путина, М. Ходорковского, И. Хакамады, А. Илларионова, М. Леонтьева, М. Хазина, С. Кириенко – список можно продолжать. Все они – яркие личности одного поколения «избранных», однако рядом с собой они готовы терпеть только «практиков». Их объединение в «команду» невозможно не из-за политических взглядов – в разные годы они так или иначе сотрудничали друг с другом, но из-за общей поколенческой динамики; внутривоколенческие союзы в поколении «одиночек» – только временное явление.

«Нормальный капитализм» порождал у «ядра социума» две надежды – во-первых, на окончание холодной гражданской войны, во-вторых, на модернизацию страны. Предыдущая история показала, что, когда политический и экономический капитал сосредотачиваются в основном у «героев-одиночек», война не заканчивается никогда. У «правых сил» уже не оставалось шансов на победу после 1996 года.

В отношении же модернизации было понятно, что «государственный социализм» – другой, смягчённый вариант российского прошлого, что подтверждалось фамилиями политиков–«практиков». Поэтому победил, казалось бы, очевидный «политический муляж» – Единство; партия, которая была «заточена» под одного «героя-одиночку» – В. Путина.

В целом ожидания, связанные с этой конструкцией, реализовались. Так, был консолидирован господствующий класс и закончена гражданская война, отдельные «непримиримые» были изгнаны за рубеж. «Дело Ходорковского» было показательным процессом: «семи-банкирщина»–номенклатура почти не выступала в его защиту, и остальные «герои-одиночки», располагавшие большими капиталами, примирились со своим положением в новой иерархии.

Другим важнейшим достижением стало утверждение новой системы социальных статусов, её легитимация в глазах социума. Принципиально важно в этом отношении, что вновь утвердившаяся элита располагает существенным символическим капиталом, и альтернативных социальных групп, сопоставимых с ней по размеру этого капитала, в России сейчас нет. Не осталось даже тени бывшего андеграунда.

В сущности, единственной задачей из поставленных, которую так и не удалось решить новой элите, – это легитимация нового социального устройства России на Западе. Но, как оказалось, невозможно совместить внутреннюю и внешнюю легитимацию: либо, по мнению населения, «оккупационный режим» и продолжение гражданской войны, либо – гражданский «мир», но – «не та», с точки зрения Запада, демократия. Иными словами, невозможно защищать право российских собственников на исключительную эксплуатацию богатых российских ресурсов – и получить одобрение такой защиты на Западе.

Поколение «практиков» и современный кризис (2004–2009 гг.)

Центральными событиями последнего десятилетия, ещё не получившего своего общепринятого названия в отечественной социаль-

ной памяти, стали два непосредственно связанных между собой события: дефолт и окончание «холодной» гражданской войны. Дефолт вызвал не только падение доходов населения, он означал ещё и полный *политический крах* российских либералов, которые «довели страну», были «ещё хуже коммунистов». В свою очередь, окончание «холодной» гражданской войны связано с победой и последующим объединением «Единства» и «Отечества» на выборах 1999 г. Это означало консолидацию господствующего класса, что одновременно привело и к внутренней легитимации, и к стабилизации нового распределения власти.

В настоящее время в российской элите действуют три основных многочисленных поколения:

– старшее: поколение «героев-одиночек». Оно проделало свою естественную эволюцию – часть этого поколения сохраняет себя в позиции «непобеждённых» – «непримиримых», другая часть по-прежнему «в действии». Именно им сейчас принадлежит основной политический, экономический и символический капитал. «Непобеждённые», как обычно, создают свои «кружки», пытаются контролировать каналы проникновения молодёжи в элиту; в отношении культуры и масс-медиа им в основном это удаётся (по поводу сферы НИОКР – см. ниже). Как победившие, так и «непобеждённые» пытаются получить для себя гарантии безопасности, что выражается в сокращении возможностей ротации элиты и строительстве «стеклянного потолка»;

– среднее: поколение «ухода». Это поколение «разошлось» на «практиков» – предателей и остающихся «хранителей»; часть последних перешла к стратегии «непобеждённых». Они обладают существенным экономическим и большим символическим капиталом (практически все российские «постмодернисты» принадлежат к этому поколению). Политический капитал этого поколения оказался относительно небольшим, но у них есть молодые наследники, которых пока сравнительно немного. Это, с одной стороны, разного рода российские «националисты»³⁴; с другой – нацболы; наконец, отдельно необ-

---

³⁴ Термин «националисты» здесь взят в кавычки потому, что под ним объединяются русские, кавказские, татарские, якутские, тувинские и многие другие национальные движения, действующие на территории России и использующие мифы прошлого для прорыва в элиту. Главным лозунгом здесь является этнократия; в остальном они очень похожи друг на друга. Впрочем, русский национализм пока ещё немного экзотичен: он пытается отстаивать *привилегии русского меньшинства* в стране, где *большинство* населения считает себя русскими.

ходимо выделить «правозащитников»³⁵. Всех этих молодых последователей объединяет сравнительно высокая энергетика, направленность на действие, все они питают отвращение к действующей «фальшивой демократии», у них общее центральное переживание, связанное с холодной гражданской войной 1990-х, где они потерпели поражение. Такая ситуация описана и в социологии, и в истории – подобные поколенческие союзы напоминают Германию двадцатых годов, пережившую поражение в Первой мировой войне и последующую разруху, связанную с непосильными контрибуциями. И это вполне могло бы привести к соответствующим перспективам и для России, если бы не малочисленность этих поколенческих союзов, по крайней мере, в настоящее время;

– младшее: «практики» (1971-1985 гг. рождения). Это основное поколение «нулевых». Они тоже пережили «лихие девяностые», но если для вышеперечисленных поколенческих союзов, в которые вошли их сверстники, прошлое было временем надежд, отдельных славных побед, в которое они хотели бы вернуться и «перевоевать» заново, то «практики» даже не хотят об этом вспоминать: для них это годы «национального унижения» России. «Прорабы» перестройки и «поколение реформаторов», с их точки зрения, – безграмотные дилетанты (термин «самодеятельность» они не используют, так как эта сфера ныне умерла). 1985 – 2000 – потерянные для развития России годы. Проблема, которую им предстоит решать всю жизнь: как удержать достигнутую социальную стабильность и добиться улучшения жизни населения; за последние восемь лет они пришли к выводу, что такое – возможно, «здесь и сейчас». Именно это доминирующее поколение (очевидно, с подачи старшего поколения «одиночек») сейчас называют «офисным планктоном».

Как обычно после большой «перетряски» элиты, а тем более, смены её на контрэлиту, победившее поколение пытается создать себе «гарантии несменяемости». Однако в связи с идеологической неопре-

---

³⁵ С правозащитниками – движением в защиту прав человека – особая и давняя коллизия: весь вопрос в том, кого именно они считают *человеком, имеющим право на защиту*. Достаточно часто это движение поддерживает любые формы этнократии и национальной исключительности, кроме русской, а также защищают права отдельных представителей элиты, но не обычного российского населения. В результате такого подхода они оказались маргинализированы не менее, чем обычные националисты. Собственно, их мифология «вечно обиженных» и «идеального Запада» мало чем отличается от националистических мифов «угнетения» и «золотого прошлого».

делённостью становится затруднительным ввести соответствующую проверку на лояльность. Очень трудно быть лояльным «суверенной демократии», когда никто не понимает, что это такое. Тем не менее лояльность необходима хотя бы для минимального консенсуса, для различения «своих» и «чужих». В результате «практики» организуют *административную процедуру различения* – членство в «системообразующих» партиях (ЕР, СР, ЛДПР, КПРФ, СПС (ныне – «Правое дело»), «Яблоко»). «Внесистемные» политики маргинализируются и выталкиваются с политической сцены вне зависимости от своей «лево-правой» ориентации. Отсюда в «непримиримой оппозиции» создаются весьма странные, необъяснимые с точки зрения идеологии, альянсы, где правозащитники маршируют вместе с националистами, а правые – с национал-большевиками. Такая «Другая Россия» проводит свои «Марши несогласных». Позитивной программы, в отличие от старых советских диссидентов, отстаивавших капитализм и западные ценности, здесь уже нет, есть только естественное желание вернуться в элиту. И, надо сказать, в целом шанс вновь получить легитимацию у них сохраняется – однако не как у общественных движений, но как у отдельных персон; достаточно лишь отказаться от личных амбиций и вступить в одну из «системообразующих» партий. Со старыми диссидентами их объединяет только апелляция к Западу, что вызывает очевидное раздражение элиты, напоминая о возможностях возврата к «внешнему управлению».

После «дела ЮКОСа» элементы «стеклянного потолка» появились и в сфере приобретения экономического капитала. Руководство «ЮКОСа» позволяло себе открытую политическую нелояльность к господствующему классу, тем самым демонстрируя легитимность приватизации «Юганскнефтегаза» и других активов, входивших в компанию. В период «семибанкирщины» экономическая суперэлита, в руках которой оказались и основные масс-медиа, контролировавшие процесс производства (или уничтожения) большой доли символического капитала, убедила себя, что наступило господство именно «олигархии». Это вполне соответствовало мироощущению «героев-одиночек», изначально считающих себя аристократами. Проблема, однако, была в том, что олигархия предполагает совсем иной способ рекрутирования и воспроизводства элиты (см. первую часть настоящей работы) нежели демократия. Если бы разговор об «олигархии» шёл всерьёз, необходимо было вводить соответствующие процедуры –

учреждения новой «палаты лордов» (Боярской думы) и разгона избираемого парламента. Ничего этого не было сделано (да и не могло быть сделано, по-видимому). Нелояльность, как уже говорилось, была ликвидирована, и возникло давно ожидавшееся «частно-государственное» партнёрство. Люди, располагающие экономическим капиталом, стали поддерживать политиков; последние лоббируют их интересы, включая защиту этих интересов за рубежом, – но не этого ли хотел господствующий класс? И не так ли устроена «западная демократия», к которой апеллируют «несогласные»? И насколько отличается положение коммунистической партии США, «чёрных пантер» и ку-клукс-клана от положения нацболов, правозащитников и российских националистов? И, в свою очередь, почему такая модель «западной демократии» называется реальной, а российская – имитационной³⁶?

Логично, что для ведения крупного бизнеса также стала предусматриваться административная проверка лояльности, – теперь необходимо быть членом какой-либо системообразующей партии, а партия будет защищать интересы бизнеса при установлении институциональных рамок функционирования экономики. Такая система, конечно, непрерывно порождает коррупцию – политики получают ренту от бизнеса за формирование правил, защищающих экономическую элиту от конкурентов и консервирующих такое положение. Но первопричиной коррупции является не то, что «общество» и «бизнес» не разделены, а то, что *элита хочет остаться несменяемой, её ротация не допускается*³⁷. Ничего нового в этой ситуации нет – коррупция и «теневая экономика» развивались при социалистической демократии после конца «оттепели», которая, в свою очередь, возникла как результат консенсуса элит вокруг отмены сталинского механизма ротации путём террора. То же самое возникает и в условиях российской капиталистической демократии как результат такого же консенсуса элит вокруг отмены ротации путём отстрела в условиях холодной гражданской

---

³⁶ См., напр., Фурман Д. Проблема 2008: общее и особенное в процессах перехода постсоветских государств. – <http://www.polit.ru/lectures/2007/10/19/furman.html>

³⁷ Эта же причина лежит и в основе, по сути, непринципиального различия между «современной российской» и «западной» моделями демократии. Но, в конечном счёте, это вопрос соблюдения правил, которым следуют поколенческие союзы. Так, «практики» их стараются соблюдать, а «герои-одиночки» соблюдают только те правила, которые считают выгодными для себя. Отсюда и «растут ноги» в российском изобретательстве схем, позволяющих легально нарушать правила, – они ведут к сохранению изобретателями своего чувства «избранных».

войны. Наконец, этот же процесс может иметь место и в странах Запада, если в силу каких-то причин там появится желание гарантировать несменяемость элиты, а это сразу же потребует разработки процедур проверки лояльности, что приведёт к появлению «стеклянного потолка», и так далее – по кругу.

Несменяемость элиты, после периода роста, приводит к ухудшению дел в экономике. Возникают «кризисные явления» – слово «кризис» элита старается не использовать как можно дольше, поскольку это очевидно увязывается с качеством управления страной. И кризис наступает довольно быстро – в рассмотренной версии истории аналогичная ситуация возникла к концу семидесятых, через десять лет после окончания «оттепели», и в нынешней ситуации потребовались те же десять лет. Но теперь существенным отличием ситуации является отсутствие в нынешней России «большой науки», которая ещё сохранялась в СССР в конце 1970-ых.

Развитие фундаментальных исследований, сферы НИОКР, а также качественное образование связаны с поколениями, действующими в логике «модерна». НИОКР – это слишком большие риски для бизнеса, в котором сейчас в России доминируют практики. В рамках реализации стратегии «практиков-бизнесменов» для науки, которая подвергается сомнению и изучению *основы мира*, нет места *в принципе* – сами-то они воспринимают этот мир как *данность*. Отсюда и возникает невозможность «смычки» НИОКР, образования и бизнеса – кроме различия в институциональных правилах, в которых «работают» эти сферы, это ещё и разные мировоззрения.

Зато практики очень любят «инновации». Если можно купить готовую технологию, оборудование, при наличии соответствующих финансовых средств это будет сделано.

Собственно, так и осуществлялось «догоняющее развитие» России после 1998 года. Заимствовались технологии, покупалось оборудование, строились заводы, принадлежащие западным собственникам. Ничего подобного механизму развития СССР в 1953–1968 гг. здесь не имело места.

Система образования за это время полностью деградировала. В условиях ориентации вузов на получение максимума финансовых поступлений, отсутствия вузовских НИОКР и связей с коммерческим сектором вузы превратились в предприятия, «торгующие дипломами». В то же время, поскольку в условиях восстановления «стеклянного

потолка» опять становится главным не компетентность, а лояльность, постольку специальных требований к вузам, производящим «человеческий капитал», ни государство, ни бизнес не предъявляют.

В этом отношении достаточно забавно общее убеждение, что в России выпускается слишком много дипломированных экономистов, юристов, психологов. Однако никто не считал, сколько выпускается специалистов в области технологий машиностроения, литейного производства, эксплуатации реакторов на атомных станциях, других инженерных специальностей – *по отношению к потребности в них*. Государственные вузы сохраняют всю номенклатуру выпускаемых специальностей, действуя в прежней, ещё советской логике, – кафедры и образовательные программы закрывать нельзя. Поэтому наличие диплома государственного вуза гораздо важнее самой специальности, сейчас это вновь – пропуск в следующую страту. После начала 1990-х, когда такой пропуск не требовался, уже к нулевым годам он стал обязательным – если уж человек неспособен даже на то, чтобы вуз закончить, значит, он полный разгильдяй (или аутсайдер, непонятно, что хуже). В результате высшее образование в России стало всеобщим и, по сути, приравнялось к среднему.

«Стеклоплатный потолок» приводит к разрывам в социальной коммуникации, что в первую очередь влияет на работу социальных фильтров, в результате чего в общественном мнении возникает и развивается *амбивалентность*. Так, существенная часть элиты по-прежнему пребывает в убеждении, что образование, здравоохранение и наука в России сохраняются как *государственные институты*, хотя размеры репетиторства, платной медицины, платных защит диссертаций, по-видимому, *кратно* превосходят бюджетное финансирование указанных сфер. У политической и хозяйственной элиты сохраняется отрицательное отношение к «теоретикам» – и в то же время, по-видимому, редкий губернатор и мэр крупного города не имеет кандидатской, а то и докторской степени. Естественно, что большинство диссертаций защищается уже *после* получения высокого политического или экономического статуса, что предполагает совмещение научных занятий с бизнесом и политикой – и подавляющая часть учёных степеней получается российским истеблишментом именно по экономике и праву, т.е. именно в тех сферах, где в России «слишком много специалистов».

К Вооруженным силам, как и к милиции, в обществе сохранилось прежнее амбивалентное отношение. Их реформа продолжается, но у элиты уже сформировалось убеждение в необходимости ядерной стратегической компоненты как гарантии сохранности экономического капитала.

Хуже всего дело обстоит с горизонтальной мобильностью – в отношении переезда в Сибирь, на Дальний Восток или Север существуют только отрицательные, негативные стимулы. В результате структура хозяйства этих регионов постепенно эволюционирует к сырьевой. Одновременно к радости «экологистов-уходящих» происходит депопуляция этих территорий и восстановление природных ландшафтов.

Укрепление лояльности привело к постепенной ликвидации реального местного самоуправления на местах. Вертикаль власти дошла до городов и районов, слабая местная аристократия быстро влилась в структуры «системообразующих» партий. Постепенно восстанавливается советская система управления городами – в условиях односторонней горизонтальной мобильности (все – в Центр, в Москву и близлежащие области) исчезает идентификация своей политической и экономической судьбы с родным городом, напротив, возрастает роль вертикальной коммуникации.

Социальные фильтры, связанные с образованием, наукой, созданием художественных произведений, играют принципиальную роль в формировании и росте символического, компетентностного капитала. В российской провинции эти фильтры уже практически ликвидированы, экспертное мнение позволено иметь только столичным организациям, сохраняющим каналы для его трансляции. Ликвидация фильтров привела к появлению двух неожиданных для России XXI века феноменов:

– исчезновение интеллигенции как прототипа среднего класса. Последняя трансформировалась, с одной стороны в пролетаризовавшихся «бюджетников» и – отчасти – в «офисный планктон», а с другой – в причисляющих себя к «новым русским»³⁸ менеджерам и собственникам. Данное исчезновение представляется чрезвычайно важным, так

---

³⁸ «Новые русские» – продолжение «старых русских», т.е. – дворян, привилегированного класса царской России. Соответственно, осознание себя «новым русским» – принадлежность к новому классу «хозяев страны».

как в российской социальной структуре, в сущности, более нет социальной группы, ответственной за производство нового и сохранение старого знания;

– отсутствие культурно-научного российского андеграунда. Несмотря на то, что «стеклянный потолок» между российской провинцией и столицей растёт и укрепляется, «подполья» в провинции не возникает. Для существования андеграунда необходимы не только производители и потребители альтернативной «официозу» продукции, но и сохранение иерархии статусов как гарантии «качества» в рамках андеграунда, а для этого сохранения опять-таки требуются образовательные фильтры. В противном случае шарлатанскую работу невозможно отличить от научной, графоманию – от талантливого романа. Именно последняя ситуация и имеет место.

Используя категории, введённые в научный оборот В. Каганским, можно констатировать, что российская провинция, лишённая механизмов воспроизводства символического капитала, стремительно превращается (превратилась) в периферию. Основная часть её ресурсов используется в режиме колонии, что делает невозможным «инновационное развитие», сохраняя «сырьевую ориентацию». Однако одновременно это обстоятельство способствует укреплению и сохранению «вертикали власти» и стабилизации нелиберальной демократической системы.

Наступивший экономический кризис закономерен – и если бы не внешние причины, в том числе связанные с падением цен на сырьевые товары, то он произошёл бы по внутренним причинам, хотя и позднее. Очевидно, что снижение степени конкуренции, монополизация в рамках «частно-государственного партнёрства», рост дифференциации доходов, падение общей эффективности экономики вызвали бы классический кризис перепроизводства³⁹. Что будет делать теперь, в этих ухудшающихся условиях, поколение практиков, которое неизбежно столкнётся ещё и с кризисом мировоззрения, связанным с потерей основной ценности – стабильности, трудно сказать. Ясно, что более «взрослая» часть, уже накопившая изрядный экономический и политический капитал (1971-1980 гг. рождения), будет долго пытаться сохранить лояльность к сложившемуся распределению власти, пыта-

---

³⁹ Такой кризис был бы вполне симметричен социалистическим кризисам хронического дефицита, имевшим место в СССР в период «застоя».

ясь просто «переждать» плохие времена. Следует отметить, что при отборе кандидатов на новые статусные места в последнее десятилетие практически повсюду действовал *возрастной ценз* – отсюда у российской власти и бизнеса по большей части «молодое лицо». Это снимает вопрос поколенческого конфликта, обычно понимаемого как конфликт «отцов» и «детей» – сейчас нет оснований утверждать, что старшая возрастная когорта имеет более высокие доходы, чем младшая (что, строго говоря, возможно только в периоды революций или в ситуациях разрушения символического капитала⁴⁰).

«Младшие» вполне могут избрать стратегию «ухода» и попытаться разрушить «фальшивый мир», который их «обманул». Тем более что к ним может присоединиться и многочисленная возрастная когорта 1985-1990 гг. рождения, привыкшая за это время к росту потребления и, в силу внутреннего разложения российских образовательных структур, во многом уже *асоциальная*. Большая часть норм поведения, которые обычно формировались в школах и вузах, ныне у них просто отсутствует. В «спокойный период» эти нормы были бы привиты им в коммерческом секторе, однако в условиях кризиса анонимия может стать хронической (или могут быть восприняты распроstrанившиеся за годы холодной гражданской войны в «ядре социума» нормы криминального поведения).

Наличие «вертикали власти», новых процедур проверки лояльности, а также журналистских, телевизионных, политологических, экономических «школ»⁴¹ гарантирует, что этот кризис будет долгим. По мере его развёртывания элите станет нечем платить за лояльность к себе, как это уже было в восьмидесятых, что приведёт к разрушению стеклянного потолка и поиску нового общественного консенсуса. С большой вероятностью многочисленное поколение практиков должно будет всё же выработать процедуры ненасильственной ротации политической элиты. Хотя стоит отметить, что в настоящее время президент-«практик» в логике сохранения и укрепления «стеклянного по-

---

⁴⁰ Как правило, капитал, основанный на знании, увеличивается с возрастом. Отрицание роли знания, ориентация на статус и последующее получение статусной ренты ликвидирует обычную прямую зависимость дохода от возраста.

⁴¹ Эти «школы» полностью соответствуют назначению прежних советских «научных школ» и позволяют «непобеждённым» контролировать через фильтры навязывания образцов поведения и личной лояльности приток молодёжи в элиту. Практически все они расположены в Москве, сравнительно небольшая часть – в Петербурге и единицы – в российских городах-«миллионниках».

толка» предпринял полностью обратные мероприятия, в частности, продлив – на следующий электоральный цикл – сроки полномочий президента и парламента. Такие шаги, как и попытки решения проблем экономической эффективности корпораций путём их огосударствления и вливания бюджетных средств, свидетельствует о быстрой деградации коллективного интеллекта официальной, институционализированной элиты.

Менее вероятным представляется вариант, связанный с формированием контрэлиты, сохранением «стеклянного потолка», появлением системного андеграунда и очередной российской революции. Во всяком случае, в настоящее время не наблюдается ничего подобного символическому капиталу шестидесятников и «героев-одиночек», который мог бы противопоставляться действующим легальным СМИ, двуслойной культуре («попса» для толпы и ретро-андеграунд – для «избранных», что обеспечивает общий душевный комфорт), официальной науке (системе РАН и новых частных «интеллектуальных центров», действующих в сфере общественных наук). Более того, российская политическая «суперэлита» тесно связана и с новыми «интеллектуальными центрами», и с позиционированными как имеющими наивысший социальный статус, специально выделенными как «фабрики элиты», вузами. Новое «поколение ухода» ничем сопоставимым по размеру и влиянию с этим символическим капиталом пока не располагает.

Наконец, совсем невероятным представляется запуск проекта «модернизации страны», перехода от её «сырьевой ориентации» к производству «человеческого капитала» и «научоёмкой продукции». Поколение, которое придерживается «стратегии модерна» в нынешних социальных условиях, чрезвычайно малочисленно и оказывается «лишними людьми» в России. По большей части оно представлено «молодыми учёными», уезжающими на работу за рубеж, для их жизни в России практически нет институциональных условий. Сами они, в силу своей редкости и отсутствия междисциплинарной коммуникации, практически неспособны к социальному действию.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Дусь Ю.П.: У нас 20 минут для того, чтобы задать уточняющие вопросы, а затем можно будет перейти к вопросам более системного плана.

Разумов В.И.: Я как раз и вопрос такой подготовил. Представленные материалы – это материалы Вашего объемного исследования. Какие проблемы Вы сами по этому материалу видите?

Ореховский П.А.: Есть несколько вариантов движения по этому материалу. Во-первых, насколько я знаю, ни у нас, ни за рубежом политическая динамика в таких терминах, таком ключе не рассматривается. И на первом этапе надо было довести все это до конца, потому что изначально предполагалось, что будет сделано сто интервью. Было сделано гораздо меньше.

Во-вторых, инструментально, особый интерес представляет описание молодежи, изучение молодого поколения, куда они себя относят. Я, в целях сокращения материала, ушел от обсуждения этой проблемы. Ясно, что будущее страны связано с воспитанием нового поколения модерна. Однако модернистов, как правило, воспитывают модернисты, а их у нас сейчас очень мало. Сам я, конечно же, отношусь к поколению героев-одиночек, участвовавших во всех тех бурных событиях, в холодной гражданской войне, и никак себя от них не отделяю. Но если это попытаться сделать, поставив себя вне поколений вообще, то необходима дальнейшая реконструкция, выработка классификационных критериев, выбор тех фигур символических, которых нынешнее поколение для себя считает культовыми.

Скажем, в отношении своего поколения мы знаем, кто для нас был культовым. Например, те же братья Стругацкие, а ведь они этих людей не хотят читать, потому что их социальная реальность совершенно другая. Они чаще читают тех людей, которые мне могут оказаться неизвестными. Выделение их, позиционирование и попытка понять, каким образом они могут быть привлечены к той самой науке, к тому самому переосмыслению мира, то, конечно, это было бы и такой инструментальной задачей.

Но это я говорю как ученый, который говорит с точки зрения неких, как выражается отсутствующий здесь Вячеслав Михайлович Широных, советов Господу Богу. Я считаю, что советы Господу Богу иногда стоит пытаться давать хотя бы потому, что это попытка дви-

жения к истине. Если ты позиционируешь себя как объективного учёного, пытающегося понять истину, и не можешь сказать от лица Господа Бога, тогда что ты вообще можешь. Это, что касается инструментальной части. Ещё есть идеологическая часть.

Я ощущаю поколение как реальность, как субъект, принадлежащий к определённой социальной группе. Более того, я знаю, к какому поколению отношусь я, могу себя идентифицировать. Я брал интервью у людей, которые таким же образом себя идентифицируют. Но есть вопрос к философам и методологам. Георгий Виссарионович Семенов только что продемонстрировал один из камней преткновения применяемой мной методологии. Идентификация идет не по профессионализации, а по этическим и мировоззренческим предпочтениям. И в этом отношении люди, которые принадлежат к одному поколению, могли защищать одни и те же ценности и двигаться вместе. Ученые, писатели, директора, находят консенсус между собой. Но как соотносятся профессионально-квалификационная структура и поколенческая социальные структуры? То, что касается профессионального сознания, я о нем вообще ничего не говорил, потому что люди, которых я называю социальными практиками, занимают сейчас такие же профессиональные ниши, в которых есть и герои-одиночки, и, реже, уходящие и модернисты. В 1970-х гг. было то же самое. А толку-то? Разве они и в США не смогли привести к такому же кризису?

Разумов В.И.: То, что Вы выделили поколенческую динамику и поколение как субъект социально-экономического процесса, представляется, что общество – это система многослойная, т.е. есть множество субъектов, которые выделяются по разным основаниям. Вопрос в том, какой вес в этой неоднородной в плане социальных групп среде занимает поколение и всегда ли на протяжении какого-то длительного исторического периода этот вес не меняется, насколько он устойчив?

Ореховский П.А.: Отчасти я об этом уже говорил. Нельзя, исходя из экономического инструментария, объяснить экономическую иррациональность поведения. А в рамках социального подхода, когда социальная рациональность есть, и ты выступаешь за социальную стабильность, за сохранение здесь и сейчас своего статусного рентного места, становится понятно, как создавались предприятия, как сейчас дело обстоит с вертикалью власти. И тогда у меня возник следующий вопрос, который я переадресую Ю.П. Дусь, как историк и представите-

лю исторических наук. Вопрос о смысле и шагах в истории. Когда мы говорим сто лет и более, то мы попадаем в своеобразный экономический и культурный детерминизм. И мы там работаем в этих схемах, в принципе развивающих и углубляющих Маркса, Белла, т.е. постиндустриальное общество. Мы научились как-то это описывать. В этом отношении тот же Фернан Бродель является развитием этой методологии. Если мы опускаемся до уровня года-пяти, у нас работает конспирологическая версия. И мы понимаем, откуда Путин, откуда питерские и кто как связан. Вариант журналистских расследований дает понимание, почему сегодня этот, а не этот и так далее. В сегодняшней реальности, в рамках года-двух, все эти назначения понятны. А вот когда горизонт, Юрий Петрович, уходит чуть дальше, буквально за 10 лет, тогда возникают поколения. Причем непонятно, откуда взялись эти и те. Когда я стал проговаривать для себя все эти вещи, для меня появилась вот эта поколенческая динамика и появились другие реперные вещи. Я сейчас, например, не очень понимаю, где я нахожусь, потому что это не экономическая логика, это не логика исторических обычных войн, которые описываются журналистами. То есть как это можно отразить и с чем увязать, как построить?

Разумов В.И.: Коллинз, Валерстайн, мы вспоминаем их...

Дусь Ю.П.: Такой вопрос по методологии что ли...очень интересна динамика элиты...

Петр Александрович, если это был вопрос, то Вы говорите о поколениях, на которые мы смотрим в прошлом, ведь работа проделанная Рэндаллом Коллинзом в его работе «Социология философии», где он четко прослеживает, какой из древнейших философов произвел влияние на последующих, какие его книги, какие идеи были восприняты, каким образом он дал толчок следующему. И вот если брать по личностям, по крупнейшим мыслителям, то эта поколенческая динамика, если можно так выразиться, прослеживается. Если брать простой люд, какой-нибудь Сашка Меньшиков, который торговал на площади пирожками с тухлой зайчатиной, положим, кто повлиял и каким образом на него, то, наверное, это задача непосильная. По проявлению какому-то, по стремлению попасть в элиту, видимо, мы тут должны задать вопрос, есть ли вообще это стремление и нет ли для нас возможности получить только эту большую классификацию. Часть общества всегда, вне зависимости от того, каким было стремле-

ние попасть в элиту, а часть общества никогда не стремилось в неё попасть. Вы допускаете, что есть такие слои общества?

Ореховский П.А.: Я отвечу и тут же уточню свой вопрос. Конечно, в моей модели нет таких людей, которые не хотели бы попасть в элиту, по той простой причине, что это другая задача. Я говорю о цвете, а Вы говорите о температуре. Вопрос-то как стоит, есть ли такой человек, который мы рассматриваем как социальный объект, который не стремится жить как социальный объект, влиять на других, совершать историю и т.д. Конечно, если он не стремится попасть в элиту и осуществлять контроль над ресурсами, то его нет как социального объекта.

Дусь Ю.П.: Отрицая наличие такого слоя или явления, Вы не позволяете себе более точно расставлять акценты. Живой пример – профессор Семенов. Это разве стремление попасть в элиту?

Ореховский П.А.: Истина, которую нашел учёный, в том числе и Семёнов – он хочет, чтобы она была опубликована, была принята как истина, а стало быть, он претендует на гораздо большее. Он претендует на близость, можно сказать, к Богу. На то, что он понял, и то, что это было предъявлено человечеству и тем самым он оказал влияние на это человечество. Но это и есть символический капитал и претензия на элитарность.

Дусь Ю.П.: Для того, чтобы ответить, ответом стал вопрос к Петру Александровичу. Не является ли наша обычная история, в которой аристократия и феодальные методы наследования элит исчезли достаточно поздно, не является ли она исключительной? В том случае, если мы берем развитые страны, тот же Запад и США, искать такую поколенческую стратегию, выявлять её или как-то расставлять вот эти векторы, будет невероятно трудно, или даже невозможно. Это то, о чем говорил Чаадаев, это свойственно аномальным странам, которые представляем мы с Вами. Тогда и не надо искать, если её там нет. Мы, достигнув этого уровня развития, лишимся этой возможности, возможности определять стратегии. Все отлажено, система работает четко, ушел из политической элиты, пошел разбираться с корпорацией или стал вице-президентом, отработал в корпорации, перешел в аппарат президента и ты хоть как в элите, и не надо ничего выбирать. А лучший путь для черных и дам легкого поведения – это поп-культура. Через неё вполне можно попасть в элиту и зарабатывать даже больше,

чем вице-президент. Одна столбовая дорога, одна стратегия. Если есть физические данные – то через спорт, баскетбол, бокс.

Ореховский П.А.: Спасибо за вопрос. Я настаиваю на том, что если сохранять легально принятое деление сословного общества, которое представляет собой другое распределение власти, и фиксирует ту же самую аристократию, то там методы рекрутирования элиты совершенно другие и, стало быть, логика другая и отсюда другое формирование поколенческого сознания. Поэтому такой анализ к дворянской России неприменим. С точки зрения аномальности или нормальности нашей страны, я просто в силу ограниченности своих знаний не могу так же хорошо говорить о США или Франции. Хотя если мы начинаем накладывать то, о чем я говорил, на последние 60 лет американской истории... Есть книжка Боннера и Уиггина о крахе американских финансов, которая рассматривает поведение бэби-бумеров, как они относились к старшим, свергали, захватывали власть, превращались из хиппи в яппи, демонстрировали образцы жизни в кредит. Если рассмотреть эту книжку, то можно увидеть, что наиболее интересные вещи связаны как раз с попыткой описания стереотипов поведения больших групп, связанных с возрастными когортами. И тогда сразу возникает вопрос, как мы выделяем когорты, почему мы ограничиваем нулевым годом, 50-м и 60-м, 60-м и 70-м, а не 54-м и 64-м. Сразу возникает проблема периодизации и ещё множество вопросов. Когда начинаем говорить об Америке, то попытки такие есть. Но их действительно не волнует проблема, которая здесь выделена как наличие стеклянного потолка, они как-то научились с этим справляться. Для меня принципиально важно, что это в условиях стеклянного потолка формируется совершенно четкое экономическое поведение наших граждан. Речь идет о статусно-ориентированном поведении. Почему человек, который говорит у нас о предпринимательстве, не хочет заниматься предпринимательством? Потому что это же надо быть сумасшедшим, ведь это очень большие риски. А вот войти в состав корпорации и дальше демонстрировать верность начальству, а не какие-то компетентностные навыки. Это рента-ориентированное поведение, которое фиксирует сложившееся поведение хозяйствующих субъектов лучше, чем какая-либо вертикаль власти.

Мильчарек Т.П.: Чем был обусловлен рост научной и образовательной части общества?

Ореховский П.А.: Ситуация 1960-х гг. очень интересна, потому что это был тот редкий случай, когда мы имели ненасильственную ротацию элиты. Сталинских товарищей никто не пострелял, а просто постепенно происходила замена неэффективных начальников на эффективных и наоборот. Как раз тогда, и надо зафиксировать этот момент и отдать должное людям того поколения, из военных, космических и атомных проектов вырос проект большой советской науки. Та академия наук, которая сейчас существует, она даже по количественному составу увеличилась в 10 раз именно из-за этих проектов. Тогда же была создана система НИИ и всех тех вещей, которые дали рывок не на ресурсно-сырьевой базе. Именно тогда автомобиль «Волга» в шведском, кажется, автосалоне, получил первый приз.

Но потом пришло к власти поколение практиков, которое пытается сохранить все как есть. Затем поколение героев-одиночек, которые хотят разрушать, и в то же время попасть в элиту и снова зафиксировать новый порядок. А поколение уходящих строит мифы прошлого и пытается что-то сделать такое на основании прошлого. И только поколение модерна, которое было в 60-ых, пыталось изменить мир вообще.

Почему интересно говорить про 1960-е гг., ведь тогда, после полета Гагарина в космос и американских успехов в науке, вопрос стоял так, что если уж в космос полетели, то проблема накормить всех и сделать так, чтобы войны не было, и победить болезни и т.д. Кажется, мы быстро всё к 1970–80-м гг. закончим, а дальше межзвездные перелеты, всемирное человечество и т.д. Напоминаю, что технически эти проблемы были решены к середине 1970-х. Технически нет проблем. Но половина человечества на земном шаре живет на доход, меньше чем 2 доллара в день. Замечательные европейские либералы дотаций на 1 корову в день выделяют больше 2 долл. в день. Об этом на Западе говорилось уже в 1960-е, когда распалась величайшая империя в мире, британская. Так что я думаю, что у них тоже есть свои проблемы с поколением, потому что, когда мы начинаем смотреть на лидеров тогдашних, где новые де Голль, например, Кеннеди или Эйзенхауэр?

Разумов В.И.: Вопрос здесь, насколько явно можно выделить ярких представителей поколения, ведь большое число людей остается размытыми, их не идентифицируют.

Ореховский П.А.: Мне об этом говорили как раз шестидесятники. В жизни ведь получается так, что человек начинает с одной стратегии, например стратегии модерна, а потом уходит в практиков и его называют предателем. Эволюция происходит. Причем политические события как раз ложатся в эти вещи. И идентификация меняется, размывается, если угодно. И не только с поколением шестидесятников, но и нашим – тоже.